

Новая Польша 7-8/2005

0: ЗАВТРА - ЭТО СЕГОДНЯ, ДА ТОЛЬКО ЗАВТРА

Многое из того, что происходит в мире, - идиотизм, который усугубляется день ото дня, но осуждение этого идиотизма представляется мне банальностью.

С.Мрожек, "Автобиография"

Славомира Мрожека сегодня можно не представлять русскому читателю: недавно выпущен очередной пухлый сборник (более 800 страниц) его произведений (редактор-составитель А.Базилевский), пьесы его идут по всей России (в самых различных параллельных переводах) да и в других странах мира. Он стал "живым классиком" мировой драматургии.

Но как раз в эти дни, когда отмечается 75-летний юбилей писателя, все чаще (особенно в его родной Польше) слышится вопрос: "А не устарел ли Мрожек?"

"Мрожека играют реже, потому что он тщательно заботится о форме, что сегодня не в цене. Дело в том, что наше время не способствует высокой культуре", - пишет известный режиссер Ян Энглерт в юбилейном выпуске серьезной польской газеты. Там же можно прочитать, что "исчезновение пьес Мрожека с афиш польских театров легче всего было бы объяснить тем, что вместе с падением прежнего режима его комедии перестали быть актуальными". По-польски это слово имеет два значения и, выражаясь точнее, это значит, что пьесы Мрожека перестали быть злободневными.

Другие пишут, что Мрожек сам себе закрыл дорогу к зрителю: его тексты не дословны, он не использует вульгаризмов, не показывает голых тел или сцен насилия. Он основывает свои пьесы на диалоге, в котором есть время на размышление - и молчание. А у кого в эпоху мобильных телефонов, SMS-ов и e-mail'ов есть на это время? Иначе говоря, пьесы Мрожека стали старомодными.

И наконец: "Но кто из режиссеров отважится действовать так, как это указано автором во введении к его первой пьесе "Полиция" (1958): "Эта пьеса, если она будет поставлена, требует напряженного внимания со стороны зрителей. Так что она будет утомительна, если ее не показать отчетливо и чисто"".

Но всех превзошла одна молодая гражданочка, представляющаяся режиссером: "Трудность с Мрожеком может состоять в том, что он выражается полными фразами, с помощью которых мы теперь не общаемся. Но, быть может, когда вернется способность правильно формулировать свои мысли, он вернется на сцены. Может, и не польские, а, например, румынские или венгерские". То есть мы должны не только уметь слушать, но еще и "правильно выражать свои мысли"! То есть пьесы Мрожека не годятся для аудитории, привыкшей к "массовой культуре", или, выражаясь короче, это не "попса". А последняя фраза так просто как из самого Мрожека: пусть, мол, остальные румынцы и венгерцы нас догоняют, а то ведь мы уже во-о-о-о-н как далеко ушли! По пути, надо полагать, "прогресса". Ведущего, как известно всем культурным людям, "в Европу".

В одном из рассказов Мрожека есть фраза, которую в Польше знают практически все: "Вы вот тут заладили: прогресс, Европа... А у нас чуть выставишь молоко, чтоб сквасилось, как тут же вылезают откуда-то горбатые гномы и ссут нам прямо в крынки". Может, и правда, теперь все по-другому? Так нет же: все так говорят - и компьютерщики, когда что-то не ладится, и инженеры, и врачи... А режиссеры, творцы? Они, надо полагать, уже в Европе...

Есть, правда, отдельные исключения: вот, например, крупный режиссер Филип Байон только что поставил "Танго" (1964). И заявил при этом: "При выборе пьесы я всегда думаю о том, что она значит для современности. Парадоксально, но у меня создается впечатление, что современные пьесы меньше говорят о современности, чем классические драмы или даже древнегреческие трагедии, где можно рассказать о современности больше, чем в современной драматургии, которая довольно ограничена, хотя и любопытна. А "Танго" рассказывает о действительности в целом и остается, по сути, актуальным всегда". Ну так ведь и Байону уже под 60, он на Мрожеке вырос, небось, и сам устарел...

Если говорить о "Танго", то это чаще всего ставящаяся в мире пьеса Мрожека. В ней самым крупным его открытием было наблюдение, что сутью сосуществования отдельных людей и целых поколений в наше время является взаимное насилие, а не мирное сосуществование в противостоянии, результатом чего становится полное смешение связанных с этим понятий. А в 2000 г. известнейший польский критик Тадеуш Нычек писал: "Сегодня "Танго" вновь приобрело злободневность и может играть совершенно "в лоб"". Так ведь и Нычеку тоже уже под 60...

В общем, упреки ясны, проблемы определены. Обозначается традиционный разрыв между поколениями. В новой польской тусовке Мрожек больше не котируется - утратил связь с действительностью. Что вполне естественно для более чем пожилого человека. Как-никак, 75 лет - не шутка. Можно сказать, классик.

А как обстоит дело в России? И вообще - какая разница между злободневностью и актуальностью (по-русски, слава Богу, это понятия разные)?

Что касается "Танго", то в 60-е годы попытка поставить эту пьесу в театре "Современник" была запрещена, но в конце 80-х "Танго" шло сразу в двух московских театрах, да и сейчас идет по всей стране, как и многие другие пьесы Мрожека.

Знакомиться с Мрожеком в России люди начали с переводов, печатавшихся в журнале "Польша", - там были рассказы, одноактные пьесы, маленькая повесть "Побег на юг", - а году в 67-м, 68-м даже "Литгазета" публиковала иногда какие-то фрагменты, афоризмы и т.д.

А сценическая жизнь Мрожека в Москве началась в 1983 г., когда Михаил Мокеев поставил "Эмигрантов", где играли Рома Козак и Саша Феклистов (теперь один из них стал главным режиссером одного московского театра, а второй - знаменитым актером). Миша, с которым мы тогда дружили, остался просто режиссером. Я уже знал пьесы Мрожека по польскому журналу "Диалог" и страшно обрадовался, когда в один из моих наездов в Москву Миша пригласил меня в какой-то подвал (лучшую сценографию найти было бы трудно), где время от времени они этот спектакль играли. Сегодня Феклистов вспоминает: "В свое время мы с Мокеевым сделали очень нашумевший спектакль "Эмигранты", потом объездили с ним полмира. Но это случилось намного позже. В советские годы с "Эмигрантами" были большие проблемы. Спектакль оказался в глубоком подполье, нас не пускали за границу, таскали в КГБ, потому что это был Славомир Мрожек, которого запрещали ставить в то время".

А запрещали ставить потому, что в 1968 г., находясь в Париже, Мрожек напечатал в газете "Монд" протест против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию (что, как он прекрасно осознавал, закрывало ему путь на родину) и попросил политического убежища во Франции. Другие польские писатели, взявшие на себя роль "совести нации", этого не сделали (за исключением Ежи Анджеевского), а Мрожек сделал, хотя никакой "совестью нации" себя не считал, скорее наоборот. Разумеется, его книги исчезли с полок (а пьесы - со сцен) во всем "соцлагере".

А Феклистов, когда-то буквально потрясший театральную Москву в "Эмигрантах", вновь заставил говорить о себе, как об актере, имеющем абсолютный "слух на Мрожека", после исполнения роли Захедринского в спектакле МХАТа имени А.П.Чехова "Любовь в Крыму", поставленном в 1995 г. все тем же Р.Козаком. Это самая "русская" пьеса Мрожека (написанная, кстати, по-французски для конкурса на лучшую французскую пьесу). 1-й акт - отдает Чеховым, 2-й - Зощенко, а третьем, современном и, следовательно, самом сюрреалистическом, кроме основных действующих лиц пьесы появляются исполинский Генерал, голова Священника, Оборотень и Екатерина Великая. Впрочем, надо сказать, что в 1-м ("чеховском") акте на сцене появляется Ленин.

Все это похоже на игру "всерьез", о которой Мрожек пишет в своем эссе "Театр и действительность", опубликованном еще в 1989 г. и до сих пор, насколько мне известно, не опубликованном по-русски: "Все, что происходит на сцене, имеет свое начало и конец, но что гораздо важнее - не имеет никаких последствий. Совершенно иначе обстоит дело в действительности, где отдаленные последствия наших поступков становятся в конце концов непредсказуемыми. Сознание того, что цепочка причин и следствий будет продолжаться даже после нашей смерти, невыносимо. Ведь наш конец должен быть концом всего на свете. Зато мы всегда знаем, как закончится действие на сцене. Действия без последствий - это приманка для любой игры, не только театральной. Именно она заставляет нас играть - в театр, в шахматы, в карты, во что угодно".

Превосходно подметил эту черту драматургии Мрожека Ежи Помяновский в своем эссе с многозначительным названием "Россия как декорация", опубликованном в "Новой Польше" (2003, №9): "Мрожек относится к своим персонажам как к фигурам на шахматной доске, с железной последовательностью и редкой смелостью доводя каждый конфликт до крайности, а каждую шутку до абсурда".

Как тут не вспомнить булгаковских "человечков в коробке" из "Театрального романа"!

Тот же образ появляется у такого пронизательного онлайн-критика, как Саша Гезенцвейг: "Понимаете, из того, что я понял на его спектаклях, мrojeковская тема - это разрушающие испытания человека. Как в механике сопротивления материалов: бывают неразрушающие испытания, а бывают разрушающие. И если бы он разрушал свои персонажи, держа себя в холодке, в тени безопасности и неподсудности, я бы так и продолжал относиться к нему - еще один Сорокин времен Нерона и Сенеки. Но в своем "Дневнике возвращения" (где рассказывается, как 66-летний писатель и прославленный драматург, нытик и мудрец, решает вернуться на родину после 33 лет на Западе) он с такими же ясными глазами выкручивает себе руку и описывает, как он корчится. Он чудесный.

Мrojeк создает своих человечков и помещает их под пресс. Он начинал карикатуристом, это вспоминается, когда смотришь на свободу, с которой он комкает судьбу своего персонажа. Основной конфликт массы литературных и драматических вещей разных авторов - столкновение героя и среды. Некоторые писатели сделали это своим фирменным стилем, особенно героического, или стоического направления. У них герой преодолевает или претерпевает. Мораль - "Человек - это звучит гордо". Мrojeковский Человек звучит жалко"

Могу признаться: у Мrojeка в Париже подобные "человечки" жили в специальной комнате, и я видел их собственными глазами. В 1988 г. Наташа Горбаневская при моем участии брала интервью у Мrojeка для журнала "Континент". Я пришел на встречу первым и застал Мrojeка играющим в какую-то "стратегическую игру". На полу была разложена карта размером примерно 3 на 5 метров, а на ней располагались солдатики, батальоны, армии. Это были игры, воспроизводящие знаменитые сражения, но результат их зависел в определенной степени от играющего. Это были те самые "действия без последствий", о которых писал в свое время Мrojeк. Мrojeк серьезно и обстоятельно свернул и сложил игру, после чего поставил ее на стеллаж или что-то подобное. И тут я остолбенел: этих игр там были десятки, если не сотни! И в любой из них могли выиграть как одни, так и другие, как "немцы", так и "наши"!

И тогда я вспомнил апокрифический рассказ о том, как Мrojeк в первый раз вернулся в родной Краков. После дружеского ужина с обильным количеством выпитого Мrojeк с хозяевами вышел на улицу. "А как эта улица называется?" - спросил Мrojeк. "Имени героев Сталинграда" - ответили ему. "Как же, припоминаю... - невозмутимо протянул Мrojeк. - Проспект фон Паулюса, да?"

После этого в комнату вошла красавица-мексиканка. Ее звали Орарио Росас, она вот уже год была второй женой Мrojeка и театральным режиссером. (Некоторое время спустя он уехал с ней в Мексику, чтобы потом вновь вернуться в Европу. "Париж или Краков?" - спросил ее Мrojeк. И она, не колеблясь, ответила: "Краков".)

Потом пришла Наташа Горбаневская и начались вопросы. Мrojeк отвечал серьезно, тщательно формулируя фразы. И говорили мы как раз о том же, о чем и сейчас.

С.М. Например, первый мой сборник рассказов, который заметила критика, назывался "Слон". Он был издан в Польше еще в 1953 году, и тогда мало кто сомневался, что эти маленькие рассказы имеют, в общем, довольно прямое отношение к тем условиям, в которых мы жили в начале 50-х годов. Но вот гораздо позже, лет 20 спустя, я случайно узнал, что некоторые из этих рассказов были переведены в коммунистическом Вьетнаме и изданы в качестве сатиры... на порядки в Южном Вьетнаме. Так что мои произведения, оказывается, вполне могут различно интерпретироваться в зависимости от геополитического, исторического и прочих контекстов.

Или еще другой, более выразительный пример. В моей первой пьесе "Полиция" я попытался раскрыть полицейско-политический механизм функционирования тоталитарного государства. И что же? За последние 30 лет ее ставили в самых различных странах, в условиях самых различных режимов - и я не думаю, что из чисто академических соображений. Значит, и режиссеры, и зрители находили в ней нечто, непосредственно связанное с конкретной, местной ситуацией.

Н.Г. Выходит, в зависимости от местных обстоятельств любая ваша пьеса может оказаться злободневной сатирой?

С.М. И не только моя - вообще любая! (...) Дело в том, что абсурдный юмор, поэтика абсурда - это такой механизм (я бы сказал - механизм чисто логический), который действует всегда и постоянно.

Его друг Константы Пузына, уже умерший театральный критик, поэт и главный редактор "Диалога", формулирует это так: "Мrojeк обнажает "абсурд" в формах общественной жизни, когда они теряют смысл и становятся самоцелью, но он обнажает его через посредство логики рассуждения, а не через ее разрушение".

В следующий раз я был в гостях у Мрожека и его жены как раз с Котом Пузыной и моей польской подругой М. Пили мы до утра, остроты сыпались одна за другой, все падали под стол от смеха. Кроме Мрожека, который ни разу не засмеялся собственной шутке - он всегда выслушивал ее как бы со стороны.

Он вообще смотрел на себя как бы со стороны, и взгляд этот был печален. В "Автобиографии" он пишет:

"Я родился 29 июня 1930 года (официальная дата моего рождения, 26 июня, неверна, но так она была занесена в церковную книгу и так переходила из документа в документ). Как это произошло, не помню, и мне остается в это только верить. Если существует жизнь после смерти, я, пожалуй, так же не буду помнить своей кончины. Немного грустно, поскольку это по сути означает, что мы не можем быть уверены ни в собственном существовании, ни в отсутствии такового".

* * *

Что же осталось от наследия Мрожека?

Можно с уверенностью утверждать, что "Мрамор" (1984) И.Бродского был написан под прямым влиянием "Эмигрантов" (1974) Мрожека, а "Демократия!" (1990-1992) - не без влияния "Полиции" (1958) и некоторых других его пьес. Традиция Мрожека во многом повлияла на крупнейшего драматурга современности Тома Стоппарда. Кстати, сразу после опубликования "Танго" еще никому не известный тогда Стоппард напечатал первый перевод пьесы на английский (1966). Этот год был для него счастливым: именно тогда, после премьеры "Розенкранц и Гильденстерн мертвы", началась его триумфальная театральная карьера. Впоследствии Бродский в своем роде "отдал долг" Стоппарду, сделав в конце 60-х годов первый русский перевод "Розенкранца и Гильденстерна". Это была фактически "его собственная" тема, но восходила она к Мрожеку. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что Мрожек был "духовным отцом" таких выдающихся русских драматургов, как Людмила Петрушевская и Алексей Шипенко. Веничка Ерофеев говорил мне, что пьесы Мрожека "слишком серьезные", и безусловно предпочитал рассказы, что видно, как говорится, невооруженным глазом. А разве не из Мрожека родом Максим Кононенко, онлайн-овый Mr. Parker, вот уже несколько лет продолжающий свою эпопею "Владимир Владимирович", состоящую из историй на полстранички?

Так актуален Мрожек в России или нет? Или здесь просто совпадение, ибо все знают, что абсурдный юмор во всем мире понимают только англичане, русские, поляки и евреи?

Вот диалог интеллигента и обывателя по поводу свободы творчества и его влияния на само творчество.

XX. И ты обо всем этом написал?

АА. Нет.

XX. Почему?

АА. Потому что боялся. (...) И вот тогда, чтобы не бояться, я бежал.

XX. Ну и что, пишешь?

АА. Пока нет.

XX. Почему?

АА. Потому что уже не боюсь.

XX. На тебя не угодишь.

АА. Форменная квадратура круга. Стремясь воспользоваться единственным своим шансом, я его утратил. Бежав, перестал быть рабом. Распылился, растворился в свободе.

"Эмигранты" (1974)

И ровно 30 лет спустя Фазиль Искандер подтвердил правоту и актуальность мрожековского предвидения в интервью по поводу своего собственного 75-летия (оказывается, они с Мрожеком почти ровесники):

"На меня новая литература, созданная в условиях свободы, производит какое-то мелкотравчатое впечатление. Пастернак в цикле стихов о Кавказе говорит о "наглядности преград". Так вот раньше писателя вдохновляла совершенно наглядная преграда идеологии, цензуры, и он ясно видел: вот враг свободного творчества, вот что мы должны обойти, чтобы сказать правду о жизни. И так или иначе талантливые люди довольно часто обходили эти преграды и по-своему взрывали их.

По-видимому, когда достигается свобода, у людей, боровшихся за нее, опускаются руки. Свобода достигнута, что еще говорить. Но мне кажется, что писатели должны в любой свободе находить элементы новой несвободы и против этой несвободы бороться так же вдохновенно, как мы боролись против несвободы тотальной".

И еще про "время, в котором стоим", как нас научил говорить Ф.Искандер. Как пишет критик А.Михеев, "не имеет шансов устареть "Полиция" - эта притча об идеальном государстве, где последний политзаключенный раскаивается в грехах молодости и становится адъютантом генерала, а сержант-provokator, служака, самозабвенно преданный режиму, вынужден принять на себя роль террориста, чтобы не прекращали крутиться колесики репрессивного механизма - ведь если врага нет, его выдумывают".

Много лет люди находили в текстах Мрожека зеркало окружающего их повседневного абсурда. Некоторые только благодаря этим текстам осознавали, в чем они принимают участие. Если сотрудник тайной полиции берет на себя роль террориста - это не просто абсурд, это абсурд повседневный. Но чтобы осознать это, по Искандеру, нужно время и опытный глаз, способный увидеть новые формы несвободы и выработать новые способы сопротивления. Искандер говорит, что это время пока не пришло. Так что будем ждать: тексты Мрожека учат нас не только мужеству, но и терпению.

* * *

И, наконец, несколько злободневных примеров высказываний, взятых из российской действительности. Точнее говоря, из политической жизни. Сплошь цитаты, и все как на подбор - словно из Мрожека. Причем я специально не цитировал никого из самых уважаемых и любимых (если верить опросам населения) российских политиков, а взял в качестве примера только одного из них - главного идеолога В.Ю.Суркова, - да и то лишь потому, что он там считается самым образованным, красноречивым, а в последнее время и самым многообещающим. В смысле - перспективным. Но есть и высказывания других лиц, из среднего руководящего звена, тоже в своем роде подходящие.

В.Ю.СУРКОВ: Конечно, хорошо быть предпринимателем в свободной стране и при этом чувствовать, что ты живешь в сильной стране, с твоим Президентом считаются другие мировые лидеры, ты можешь поехать в другую страну и не чувствовать там себя клоуном. Это важно. И ценность семьи важна.

Чистый Мрожек. Когда мне было лет 6, я собирал почтовые марки и потому знал наизусть названия всех стран мира и их столиц, а также их расположение на карте. Тогда я рассуждал примерно так: "Как я горжусь, что родился в такой большой и сильной стране, как СССР. И как, наверное, стыдно родиться в какой-нибудь маленькой Норвегии или Голландии. Никто тебя уважать не будет, не говоря - бояться. Вот Америка - они наши враги, но тоже большие и сильные. Поэтому их уважают и боятся, но нас, наверное, все-таки еще больше". У меня подобное умонастроение прошло через пару лет, а вот у некоторых осталось. Если не из сильной страны - значит, клоун. Это понятно. Но при чем здесь семья - непонятно. Дальше про нее ничего нет. Хотя возразить нечего - ценность семьи и впрямь важна.

В.Ю.СУРКОВ: Сначала коротко о том, что мы хотим. Мы хотим видеть Россию демократической страной с развитыми экономическими институтами. (...) И если что-то не получилось сходу, не надо говорить, что у власти серые мыши, которые ничего не понимают. Это не совсем так, а может, совсем не так. (...) В новой процедуре назначения губернаторов увидели только произвол власти. Но, пардон, мы застраховались от целого ряда моментов достаточно идиотских. В силу тех же причин. Извините, культура у нас пока не та. Не то, что кто-то не доверяет народу. Но нам не хватает еще, чтобы в Дагестане избрали какого-нибудь там ваххабита!

Стиль тот же, но до глубины внутреннего абсурда Мрожек, пожалуй, не дотягивает. А вот про соблазны - это уже из него.

В.Ю.СУРКОВ: Когда мне говорят о зависимости судов - да, она есть. Но что с ними делать, если они зависимы по природе своей? Если люди там либо покупаемы, либо боятся начальственных звонков. Что прикажете с ними делать? И кто удержится от соблазна подчинить их себе?

Да, товарищ Сурков, других судей у меня для вас нет, как сказал бы товарищ Сталин. И действительно, кто ж удержится от такого соблазна? Ясно, что никто. Надо полагать, других руководителей у нас для вас тоже нет.

В.Ю.СУРКОВ: Хорошо бы в Европу убежать, но нас туда не возьмут. Россия - это плохо освещенная окраина Европы, но еще не Европа.

Что правда, то правда. Помните у Мрожека про горбатых гномиков? А про Европу г-н Сурков в другом месте хорошо сказал: "Лучше уж быть врагом, а не как сейчас, двусмысленными друзьями! Вот как бы что мы хотим". Кстати, о врагах он и раньше говорил.

В.Ю.СУРКОВ: Мир, оказывается, не так прекрасен и разумен, как хотелось бы. В нем обитает враг, с которым нельзя справиться так называемыми "цивилизованными" методами. Все мы должны осознать - враг у ворот. Фронт проходит через каждый город, каждую улицу, каждый дом. Нам нужны бдительность, солидарность, взаимовыручка, объединение усилий граждан и государства.

Окулист. Могу ли я знать, по какой причине Дедушка потерял остроту зрения?

Внук. От высматривания. Дедушка всегда высматривал, не идет ли враг. А у нас, знаете ли, в окнах грязные стекла. Сколько раз мы ему говорили: подожди, дедушка, до Пасхи, когда стекла вымоют. Но он спешил. Он даже во сне высматривал. Уж он такой.

"Кароль" (1961)

В.Ю.СУРКОВ: Мы не просто за демократию. Мы за суверенитет Российской Федерации. Суверенитет надо блюсти. Здесь есть прямая задача борьбы с терроризмом.

И надо же, всего два месяца спустя "Россия оказалась единственной страной, отказавшейся официально почтить двухминутным молчанием память жертв лондонских июльских терактов" ("Евроньюс", 14.07.05). Есть и другие проблемы.

В.Ю.СУРКОВ: Я помню, как мы (...) собрали гражданское общество, как они себя называли. Вот, говорят, нас не пускают в прокуратуру. Итогом форума стало поручение президента всем установить регулярность таких встреч. Так я их потом палкой туда загонял! Зачем же вы горлопанили на каждом углу? Я два раза лично загонял некие группы туда ходить. Потом все закончилось. Ужас! Вообще, чем больше я работаю там, тем больше я разочаровываюсь в мире. Есть проблемы.

Сам Мрожек, надо сказать, тоже разочаровывался, и не раз. Однако в рассказе "Разочарование" он предложил концепцию, которая могла бы помочь г-ну Суркову. Вот она:

"Давайте посмотрим на разочарование по-новому - как на доказательство ума. Кто не испытывает разочарований? Только тот, кто упорствует в заблуждениях. Но именно это и означает, что его разум спит, либо он попросту отсутствует.

Когда наступает разочарование? Тогда, когда ситуация, которую мы прежде оценивали положительно, представляется нам отрицательной. Но почему? Можно сказать: ситуация была хорошая, но постепенно изменилась к худшему. И обидеться на нее за то, что она изменилась. Однако можно сказать иначе: ситуация была нехорошей с самого начала, только мой разум спал, но - слава Богу - он вовремя проснулся. Так что все скверно, но не так уж скверно, ведь в конце концов я оказался не таким дураком, каким едва не стал. Так мы себя утешаем".

Но г-ну Суркову этот интеллигентский способ не подходит. Он предпочитает героико-романтический, тем самым становясь в позу, неоднократно высмеянную Мрожеком. Так почему же, перефразируя известную песенку, все так хорошо, если все так плохо? Ответ прост: потому что мы не такие, как все.

В.Ю.СУРКОВ: У нас есть вера. Чего не было в других режимах в наших соседних государствах. Мы уверены, поскольку она есть у нас, мы сможем вдохновить других людей. Благо для всех этих затей не так уж и много людей надо. Спасибо за внимание.

Дальше снова из Мрожека. Сопредседатель некоего Координационного совета, где выступал В.Ю.Сурков, заявил, что совет "вдруг вылился в мини-мозговой штурм", тем самым поставив под сомнение умственные способности своих коллег. А председатель совета, наоборот, заявил, что хотя "многое из того, что приводит редакция

радиостанции N., обсуждалось на встрече, но сам текст выступления не аутентичен. Это вольная трактовка с акцентами и нюансами, которые сильно изменили смысл встречи". Так что есть проблемы.

Предпоследняя цитата свидетельствует, что актуальность Мрожека иногда даже опережает самое действительность. В пьесе "Любовь в Крыму" (1993) мы обнаруживаем пророческий диалог двух матросов образца 1905 года, с броненосца "Потемкин":

1-й МАТРОС (читающий газету). Федя! Поляки Киев взяли!

2-й МАТРОС. Киев все равно уже не наш.

И, наконец, отрывок из сверхпророческого рассказа "Заявление", написанного почти полвека назад:

"Настоящим убедительно прошу передать мне власть над миром.

Просьбу свою я обосновываю тем фактом, что я самый лучший, самый умный и более индивидуальный, чем все остальные люди.

Заявляю также, что край наш бедный, земли неплодородные, да и дома у меня на иждивении восемь человек, в том числе двое из интеллигенции. Таким образом, нет у меня ни денег, ни армии, чтобы весомо поддержать свою просьбу. В связи с этим прошу также освободить меня от обязанности обладать ядерным оружием. При необходимости обязуюсь представить справку из нашей церкви.

Я осознаю, что в подобной ситуации будет довольно трудно отдать власть в мои руки. Но я все же не теряю надежды, что как энтузиазм народов мира, так и историческое развитие мою просьбу поддержат. Кроме того, я рассчитываю также на Провидение".

* * *

Актуальность - это злободневность, которая на время ушла, потом вернулась, снова куда-то ушла и т.д. Мрожек актуален, как актуален Шекспир. Есть вещи, которые вечны, потому что повторяются. "Завтра - это сегодня, да только завтра" - так звучит один из грустных афоризмов Мрожека,

И еще один: "Человек на досуге думает себе о том и о сем, но все-таки чаще о том".

1: "СПИДОЛА"

Сташеку и Миреку

в 25-ю годовщину создания "Солидарности"

"Спидола" - так назывался замечательный, пользовавшийся большим спросом портативный радиоприемник, который в СССР производили на экспорт. Стоил он относительно недорого, и некоторое время его можно было купить в государственных магазинах - разумеется, по знакомству или заплатив соответствующее вознаграждение продавцу. Главным достоинством "Спидолы" было то, что она обеспечивала более или менее чистый прием постоянно глушившихся передач Би-Би-Си, "Голоса Америки" и "Свободной Европы". По тем временам, да еще учитывая ее преимущества, "Спидола" была не так уж велика - она умещалась в небольшом портфеле или в наплечной сумке, благодаря чему мы могли брать ее с собой в отпуск. В тот год нашей базой было маленькое, всего в пять домов, селение на поляне, затерявшееся среди елово-пихтовых лесов в одной из укромных, проточенных рекой долин Татранского национального парка. От ближайшего магазина, куда два раза в неделю завозили хлеб, газетного киоска или хотя бы шоссе его отделял по меньшей мере час пути по одной из утомительных горных троп. Именно там нас (т.е. меня, жену и присоединившегося к нам в порядке исключения Адама Михника) застало то памятное лето 1980 года. Адама мы уговорили спрятаться там от преследований госбезопасности и заодно немного отдохнуть. О месте его пребывания не знал никто, кроме нас и, разумеется, гуралей, у которых мы жили. Позднее мы узнали, что его искали не только гезбисты, но и обеспокоенные друзья, причем обе стороны подозревали друг друга. Сообщение о загадочном исчезновении Михника передавали даже в западных новостях. Конечно, Михник не мог соблюсти закон о прописке, особенно строгий в приграничной полосе, и встать на учет в старостве, к которому было приписано селение. Мы объяснили нашим хозяевам, что тогда к ним явятся не только охранники из национального парка и пограничники, но и - может быть, в первую очередь - ГБ и милиция. А будет контроль - ну и пусть! Непрописанный всегда мог быть случайным гостем -

только что приехал и уже уезжает. Соседей опасаться не приходилось: в приграничных селениях слабое зрение и слух были ценными, а может, и необходимыми для выживания добродетелями. Видимо, всех тамошних жителей соединяла невидимая сеть связей и пограничных сделок, в которую дополнительно вплетались сложные отношения с национальным парком. Местные привыкли держать язык за зубами. Михник мог спокойно жить инкогнито в селении, где его называли просто Адам. Переутомленный и не привыкший к горному воздуху и прогулкам, он рано засыпал в своей комнатке на чердаке, тем самым компенсируя хронический недосып. Между тем именно поздними вечерами были лучше всего слышны западные радиостанции. В горах наша "Спидола" работала еще качественнее, чем в низинной Мазовии. В полуподвальной кухне стоящего на склоне горы дома мы вместе с хозяевами слушали последние известия. Больше всего новостей о том, что делалось в Польше, передавала "Свободная Европа". А новости эти были таковы, что мы ощутили необходимость во внутренней цензуре и наложили мораторий на передачу Михнику сведений о волне забастовок, которая охватила всю страну после того, как 1 июля было объявлено о повышении цен на мясо и мясопродукты. Бастовали уже не только отдельные предприятия, но и целые промышленные центры и даже города. Очередные уступки властей приводили к тому, что стоило кончиться одной забастовке, как в других местах тут же начинались новые. 20 июля в Люблине забастовка на одном из заводов переросла во всеобщую стачку.

Было ясно, что, узнав о происходящем, Михник немедленно вернется в Варшаву, где его снова настигнет гебуха. Я не хотел, чтобы он прерывал отдых - пожалуй, первый за многие годы. Не хотел я этого еще и потому, что не связывал с разыгравшимися событиями особых надежд. Коммунизм казался мне относительно прочной и, несмотря ни на что, устойчивой системой, опирающейся на военную мощь и всевластие полиции, системой, на страже которой как-никак стояла мировая сверхдержава. Двенадцатью годами раньше, в 1968 году, с той самой горной поляны я много дней бессильно наблюдал, как на юг, в Чехословакию, летит авиационная армада. После того как 14 августа на Гданьской судовой верфи началась итальянская забастовка, которая почти мгновенно перекинулась на другие верфи, порты, фабрики и даже городской транспорт, я ожидал скорее повторения кровавой расправы, учиненной в Гданьске и Гдыне в декабре 1970 года. У меня живо стояло перед глазами, как в ту морозную и снежную ночь, уже зная, что случилось в Гданьске, я шел мимо одного из варшавских рабочих общежитий, а из окон до меня доносились звуки шумной гулянки, звон рюмок, музыка и топот танцующих пар. Бессильное бешенство и слезы, наворачивающиеся на глаза. Из-за всего этого я тем более не хотел передавать Михнику всё новые волнующие вести. А забастовка на Балтийском побережье продолжалась и разрасталась. 18 августа судовой верфь выдвинула знаменитое 21 гданьское требование. В первом и главном из них речь шла о праве создавать независимые профсоюзы. Тем временем на поляне жизнь так и шла бы своим чередом, если б не какой-то продавец, завернувший две бутылки керосина в свежие газеты. Бутылки мы принесли в рюкзаке нашим хозяевам - керосиновые лампы были единственным видом освещения, применявшимся в селении. К несчастью, газеты эти попали в руки Михника. На следующий день он выехал в Варшаву, где, разумеется, был немедленно арестован. Мы с женой остались еще на несколько дней, так, чтобы успеть в школу на рутинное организационное собрание перед началом учебного года. Тогда мы и не подозревали, что это были последние наши каникулы в горах.

31 августа на Гданьской судовой верфи было подписано двустороннее соглашение между Объединенным забастовочным комитетом и правительственной комиссией. В этом соглашении были такие слова: "Считаем целесообразным создание новых самоуправляющихся профессиональных союзов, которые были бы подлинными выразителями интересов трудящегося класса (...) Правительственная комиссия подтверждает, что правительство гарантирует и обеспечивает новым профессиональным союзам полное соблюдение независимости и самоуправляемости - как в их организационной структуре, так и в функционировании на всех уровнях". Случилось нечто неслыханное и невероятное! Власти коммунистического государства допустили существование независимой от них, самоуправляющейся общественной организации. Они гарантировали это! Называлось ли это профсоюзом или как-нибудь иначе, уже не имело значения. Важна была независимость от государства, а значит, и от партии, что означало подрыв монополии на власть. Трудно было поверить в эти слова. Весь прежний опыт, да и знакомство с фактами из более далекого прошлого верить не позволяли. Единственный вопрос звучал: сколько все это продлится и чем кончится?

Однако пока карнавал только начинался. 8 сентября, вскоре после начала учебного года, неожиданно состоялось собрание ячейки Союза польских учителей, членами которого в обязательном порядке были все работники школы. А причиной, как заявила в начале собрания многолетняя председательница ячейки, было то, что теперь настала такая мода: все предъявляют властям требования. Значит, и мы должны подумать и выдвинуть какие-нибудь требования. Я тут же потребовал провести предварительное голосование о том, кто в новой ситуации останется членом СПУ, а кто хочет создать новый, независимый, самоуправляющийся профсоюз. Из 24 присутствовавших на собрании учителей, административных работников, уборщиц, кухарок и сторожей за новый профсоюз проголосовал 21 человек. Остальные трое (партийный директор школы, его заместитель и председательница ячейки СПУ) покинули собрание. Вскоре оказалось, что мы не были исключением. 10-11

сентября в Варшаве состоялся первый учредительный Всеобщий съезд делегатов Независимого самоуправления профессионального союза работников науки, техники и образования (НСПС РНТиО). 9800 членов, основавших ячейки нового профсоюза в 127 институтах, прислали на съезд 286 делегатов. Первый плод соглашения, за которое боролись судостроители, созрел в течение каких-нибудь десяти дней. Между тем по всей стране бывшие забастовочные комитеты объединялись в межзаводские и преобразовывались в учредительные комитеты новых профсоюзов.

17 сентября делегация НСПС РНТиО из четырех человек участвовала в организованной на Гданьской судовой верфи встрече объединенных комитетов со всей страны. Прения были бурными. Лех Валенса противился созданию единого всепольского профсоюза, к чему стремились представители почти всех тридцати с лишним объединенных комитетов, за исключением гданьского. Гданьский комитет во главе с Валенсой выступал за профсоюзы регионального уровня. Когда, наконец, перевесило мнение большинства, оказалось, что выход из патовой ситуации отнюдь не найден. Возникли какие-то новые трудности. Шли закулисные консультации. После их завершения у советников были явно озабоченные лица. Они чего-то ждали. Я спросил у Бронислава Геремека и Тадеуша Мазовецкого, что происходит. Оказалось, что Валенса, согласившись на единый всепольский профсоюз, уперся, чтобы назвать его "Солидарность". По мнению советников, такое название годилось скорее для артели молочников или сапожников, так как в те времена провинциальные артели часто выбирали себе названия вроде "Будущего", "Зари" или "Рассвета". Многие боялись давать подобное название большому, всепольскому, только-только создающемуся профсоюзу. Дискуссии, беспокойство и ожидание затянулись до глубокой ночи. Когда наконец Валенса появился снова, в зале воцарилось напряженное молчание. Все ждали. После долгой паузы в полной тишине послышались его слова: "Объявляю о создании единого независимого самоуправления профессионального союза... - тут Лех остановился. Стояла тишина. Наконец он почти выкрикнул: - "Солидарность"!" Только тогда все грянули гимн: "Еще Польша не згинела..." Независимый самоуправляющийся профсоюз "Солидарность" стал действительностью.

13 октября на II Всеобщем съезде делегатов НСПС РНТиО 450 из 455 делегатов, представлявших уже 18 910 членов профсоюза из 199 институтов, проголосовали за вступление в НСПС "Солидарность". Один делегат голосовал против, а четверо воздержались. Вскоре "Солидарность" в своих рядах имела почти 10 миллионов человек, что составляло 80!% трудящихся.

Карнавал кончился меньше чем через полтора года. 13 декабря 1981 г. военное положение загнало "Солидарность" в подполье. Вновь сжала свои клешни цензура. С новыми силами заработали глушилки. "Спидолы" опять вернулись на почетное место. Впрочем, они не пригодились тем, кто был вынужден не только работать, но и жить в подполье. Для кочевой жизни они были слишком громоздкими и тяжелыми. Им на смену быстро пришли новые миниатюрные транзисторные приемники, контрабандой провозившиеся в Польшу с Запада. Однако "Спидолы" оказались незаменимы для тех, кто вел как бы двойную жизнь, сохраняя обычный ритм ежедневных занятий и в то же время работая для подполья. Со временем эти изношенные до предела, да к тому же еще и устаревшие приемники отказывали. Тогда их приводил в порядок неоценимый Сташек Русинек, член правления НСПС "Солидарность" Мазовии. Счастливо избежав интернирования, он занимался ремонтом теле- и радиотехники. Однако его главная заслуга заключалась в том, что он был незаменимым связным между подпольной "Солидарностью" и епископатом. Именно благодаря вмешательству епископата Мирека Одоровского, казначея Мазовецкого региона и рабочего уже не существующего электролампового завода им. Розы Люксембург, удалось вытащить из тюрьмы в Бялоленке и на "скорой помощи" привезти прямо на операционный стол. Впоследствии оба они окружали заботой семьи интернированных или скрывавшихся и работавших в подполье товарищей. С тех самых постепенно стирающихся в памяти времен к Сташке приклеилось прозвище "Спидола". Сегодня "Спидола" получает пенсию по инвалидности и подрабатывает в качестве консьержа, а Мирек пополнил ряды безработных. Автору этих строк повезло: вместо того чтобы слушать "Свободную Европу", он пишет статьи для "Новой Польши".

2: ПОЭТ ОБОИХ НАРОДОВ

После смерти Чеслава Милоша нашлись такие — немногочисленные, но заметные, — кто называл его поэтом недостаточно католическим и недостаточно польским. (Это, впрочем, были не первые нападки на Милоша: в 50 е гг. подобными выходками отличалась коммунистическая пропаганда.) Думаю, что поэт глядел на это с небес с усмешкой: он страшно любил провоцировать как тоталитаристов, так и националистов — и в конце концов всегда торжествовал над противниками. Он упокоился в краковском костеле «На Скалке», в национальном пантеоне. За несколько дней до похорон я был возле этого костела и видел жалкие горстки демонстрантов, размахивавших транспарантами, на которых были помещены вырванные из контекста цитаты из Милоша и самые разнообразные обвинения. Нарушить порядок во время погребального шествия они не осмелились.

Среди обвинений повторялось одно: Чеслав Милош вовсе не был поляком — он литвин (так в старину называли граждан Великого Княжества Литовского), то есть по определению не мог участвовать в создании польской культуры и, наоборот, ненавидел ее и вносил в нее враждебные ей элементы. Это утверждение повеселило бы поэта больше всего прочего, однако неожиданным для него не стало бы. Много лет назад он писал: «Среди поляков я не раз сталкивался с подозрительностью: якобы с моей польскостью не все в порядке. И должен признаться, что тень правоты в этом есть, хотя ребенком, еще в России, я декламировал: «Кто ты? Маленький поляк. Какой твой знак? Белый орел» [перевод хрестоматийного четверостишия — дословный]». Он был родом из мест, связанных с Польшей несколько сот лет, но к ней не принадлежащих. Из Литвы, удивительного государства, которое в Средние века было независимой полуязыческой, полуправославной империей, позднее разделило польские судьбы, а в XX веке вновь обрело независимость — одновременно с Польшей и так же, как Польша, дважды. Независимость XX века оказалась совсем другой, нежели древняя: она опиралась на этнографический критерий, а это означало, что вместо державы, достигавшей Смоленска и побережья Черного моря, появилась маленькая, хотя и амбициозная прибалтийская республика, похожая на Латвию, Эстонию, отчасти на Финляндию. Своей столицей она считала Вильнюс, прекрасный город, который был центром средневековой империи, но уже несколько веков говорил преимущественно по-польски и поэтому был присоединен к Польше. Результатом этого был длительный и острый конфликт, который многие годы выглядел таким же неразрешимым, как арабо-израильский конфликт из-за Иерусалима. Чеслав Милош был прежде всего поэтом Вильнюса, который он называл «безымянным городом», а вдобавок в споре о Вильнюсе он занимал особую позицию, и польские сверхпатриоты автоматически зачисляли его в подозрительные. Литовцам тоже было не слишком ясно, кто такой этот странный виленский автор, потому что литовца ныне характеризует язык — трудный, для славянина совершенно непонятный, имеющий с польским ровно столько же общего, сколько галльский с английским. Милош слышал этот язык в детстве, умел на нем читать, но никогда по-литовски не писал. Во всяком случае родился он в Литве и остался ей верен.

Для польского поэта это не было ничем исключительным, потому что литвином считал себя и Адам Мицкевич, занимающий в польской культуре XIX века место, близкое к тому, какое занял Милош в XX м. У лучших польских писателей было принято вести свой род из Литвы, как у английских — из Ирландии; это сравнение уже попало в общие места. Любой поляк (и любой литовец!) знает, что прославленная поэма Мицкевича «Пан Тадеуш» начинается словами «Отчизна милая, Литва!». Но это начало вдвое парадоксально, потому что Литва «Пана Тадеуша» — это сегодняшняя Белоруссия.

Милош, в отличие от Мицкевича, родом из исконной Литвы. Читая в детстве «Пана Тадеуша», он удивлялся, что там говорится о буках и борзых, которых в родном краю ему видеть не доводилось. Однако он был писателем пограничья культур, как и Мицкевич — а также Целан, Йетс, Итало Свево или Кавафис. Пограничье — это почва, порождающая конфликты, даже войны, в том числе и мировые, но несомненно плодотворная для таланта.

Милош родился в Шетейнах (Шетейняе), которым посвятил стихотворение, прочитанное в день его похорон перед костелом «На Скалке» сначала по-польски, потом по-литовски, потом на нескольких других языках:

Низко за деревьями сторона Реки, за мной и строеньями сторона Леса, направо сторона Святого Брода, налево — Кузни и Парома.

Где бы я ни странствовал, по каким бы континентам, всегда лицом был повернут к Реке.

Чуя аромат и вкус разгрызенной бело красной сочности аира.

Слыша старые языческие песни жнецов, возвращавшихся с поля, когда солнце погожих вечеров догасало за пригорками.

Река — это Невеж (по-польски — Невяжа, по-литовски — Невежис); Шетейняй расположен в самом центре нынешней Литвы, на границе двух ее частей — Жемайтии и Аукштайтии. Больше из них Аукштайтия, родовое гнездо древних литовских князей, откуда пошло начало государства. Жемайтия славится верностью древним обычаям и языку. Герб Аукштоты — литовская Погоня, всадник на коне, герб Жемайтии — Медведь; с жемайтским или литовским медведем Милош, кстати, любил себя сравнивать. Однажды я с ним разговаривал о прекрасной басне, которую написал во времена Мицкевича литовский поэт Симонас Станявичюс. В ней на берегу Невежа встречаются медведь и конь: один скован цепью, второй стреножен. Речь идет, разумеется, о царской России, угнетавшей Жемайтию и Аукштайтию так же, как и Польшу, и рухнувшей, когда Милошу было шесть лет. Окрестности Шетейняй были издавна заселены патриотической шляхтой и знаменитыми своим упорством крестьянами — и те и другие приняли активное участие в восстании 1863 года.

«Я выросал из предрассудков глухой провинции», — не без самоиронии сказал поэт в одном из своих последних интервью. Предрассудки предрассудками, но известно, что Милош был как мало кто другой погружен в свое место и время. Он обладал очень литовскими чертами, рождающимися в простом мире сельских добродетелей и повседневных работ: упорством, дисциплинированностью, внутренней силой. Разумеется, это скорее типично для всякого общества на схожей степени развития, но в Литве это было усилено — так или иначе, романы и эссе Милоша велят этому верить. Он всегда считал, что из детства и молодости в Литве вынес основы своего мировоззрения: специфический анти тоталитарный консерватизм, отвержение нигилизма и этического релятивизма, поиски неизменной шкалы ценностей и постоянной точки отсчета, веру в разум, но и своеобразный пантеизм, глубокую жажду отдаваться природе и ее ритмам, понимание природы как потерянного рая, который, однако, можно вновь завоевать. Думаю, что литовский опыт оставил след и на отношении Милоша к языку — как явлению насквозь поэтическому и в то же время обеспечивающему личное и национальное самосознание. Прибавлю черту характера, о которой говорится в «Долине Иссы», — «спокойствие и сдержанность в высказывании суждений о себе».

Как я уже упоминал, обретение Литвой и Польшей независимости породило антагонизм. Семья Милошей была вынуждена переселиться в Вильно, отделенное тогда от «Ковенской Литвы» (временным местопребыванием литовских властей был Каунас) чем-то вроде «железного занавеса» *avant la lettre*. Великолепная барочная столица бывшей литовской империи повлияла на развитие поэта, пожалуй, еще больше, чем родные сельские места. Она хранила память о богословских диспутах XVII века, о спорах романтизма и Просвещения. Хотя теперь она лежала на окраине польского государства и была довольно запущенной провинцией, здесь не было недостатка в необычайных людях, связанных главным образом с Виленским университетом, который некогда окончил Мицкевич. Здесь скрещивались языки, нравы, эры; кроме польской среды существовала литовская, белорусская, еврейская. От Вильна Милош, как он признавался в стихах, никогда не сумел отойти. «Это магический, магический город», — сказал он в последние недели жизни своему лечащему врачу.

Уже в гимназии он познал невероятную гетерогенность этого города. В одном из поздних эссе он вспоминал странные фамилии своих школьных товарищей: Альхимович, Блинструб, Бобкис, Больбот, Волейко, Дабкус, Мейер, Мейштович, Микutowич, Мирза-Мурзич, Сволкень, Семашко, Чеби-Оглы. Это были, как правило, не польские фамилии — белорусские, литовские, довольно часто татарские, иногда немецкие или даже датские (еврейских не было, так как евреи обычно ходили в свои школы). Гимназия носила имя Сигизмунда Августа, короля польского и великого князя литовского XVI века, родом литовца, но языка своих предков уже не знавшего. Неподалеку находилась другая гимназия — имени Витовта Великого: этот старший родич Сигизмунда Августа в свою очередь символизировал литовский сепаратизм и любовь к родному языку, и школа готовила кадры для будущего литовского Вильнюса, остававшегося в сфере мечтаний. Власти делали все, что могли, чтобы связать город с Польшей, не останавливаясь перед репрессиями против литовцев и белорусов. Большинство польского населения разделяло национальную идеологию. «Мыслящие единицы были скорее немногочисленны — хотя весьма любопытны и ценны, энергичны», — писал Милош в 1978 году. Так называемые «краёвцы»: Людвик Абрамович, Михал Ремер и другие — еще до I Мировой войны мечтали о воскрешении бывшей Литвы, то есть балто-славянского Великого Княжества, вероятно, в федерации с Польшей, но сохраняющего свой национальный облик и своеобразный характер. Группа «краёвцев» во времена Милоша не лишена была влияния — в этом ее поддерживала местная традиция, согласно которой граждан Великого Княжества считали духовно богаче, чем жителей «Короны» — Варшавы или Кракова. Не забудем, что из Великого Княжества были родом, то есть считали себя литвинами, Адам Мицкевич и воскресивший независимую Польшу Юзеф Пилсудский.

Провинциальный застой бывает чреват бунтом. Гимназистом, а потом студентом Чеслав Милош оказался в оппозиции к большинству. Бунт проявился в том, что он стал наследником идей «краёвцев». Любовь к Литве, как у Мицкевича и Пилсудского, не противоречила у него любви к Польше. Отсюда возникала мечта о новаторском решении виленского вопроса. В 22 года он опубликовал в журнале молодых литераторов «Жагары» эссе, где писал о своем городе с едкой иронией, но серьезно:

«Вильно, прекрасный и мрачный северный город. В окно видна мостовая в ухабах, лужи и кучи навоза. Дальше выщербленная стена и деревянные изгороди. В центре города собаки грызутся посреди улицы, и ни одна машина их не спугнет. Бедная столица! Не смешон ли спор из-за этих запутанных переулков еврейского гетто? Из-за развалин княжеского замка? Из-за нескольких нищих поветов, население которых растит лен на бесплодных песках и вместо махорки курит вишневые листья, а вместо спичек у них кресало?»

Милош предлагал — особенно ввиду угрозы со стороны гитлеровской Германии — компромисс, польско-литовское сближение, переход к такому положению, когда Польша перестала бы рассматривать Вильно как

исключительно свое, а потерю города не считала бы неисцелимым ущербом. Это привело лишь к конфискации номера «Жагаров» и открытию следственного дела — правда, закрытого прокурором.

«Жагары», выходявшие в Вильне в 1931-1934 гг., название получили от местного литовского слова, означающего хворост или сухие ветви. Милош, имя которого навсегда осталось связано с этим журналом, печатал там, в частности, переводы из литовской литературы и эссе о ней. Ему помогал в этом Пранас Анцявичюс, он же Францишек Анцевич, молодой публицист, эмигрант из «Ковенской Литвы». Всю жизнь Милош считал его одним из своих учителей. Поэтом, которого переводил и высоко ценил Милош — а также и Анцевич, — был Казис Борута, анархистствующий литовский левак, позднее гулаговский зэк.

Нельзя пройти мимо еще одного имени: в то время на польского поэта повлиял дальний родственник Оскар Милош, которого литовцы называют Оскарас Милашюс. Это был человек совершенно иного рода, нежели Анцевич и Борута. Польский аристократ, родившийся в Белоруссии от матери-еврейки, как будто воплощал сложность тамошней истории и этнических отношений. Он выбрал Литву, стал дипломатом литовского государства и боролся за Вильнюс на международной арене, по каковой причине многие поляки считали его предателем; он так никогда и не выучил языка своей приемной родины, зато писал стихи по-французски, сначала декадентские (он дружил с Оскаром Уайльдом), потом метафизические, совершенно оригинальные, недалекие от пророчествования. Жил он в Париже, где принимал молодого Чеслава в литовском посольстве. Этот искатель тайного смысла вещей и истории, космополит, которого литовцы считали и по-прежнему считают своим, был для своего родственника кем-то вроде духовного учителя. Оскар Милош стал героем одной из последних поэм Чеслава, озаглавленной «Подмастерье» (заглавие, разумеется, относится к младшему поэту). Он повлиял на все его творчество, вращающееся вокруг тем катастрофы, искупления и великого преображения.

В Каунасе, куда Милош ненадолго попал в начале II Мировой войны, он нашел еще одного литовского друга — Юозаса Келюотиса, редактора авангардного журнала «Науйои Ромува» [«Новая Ромува» — по названию легендарного главного языческого капища в Литве], который печатал переводы из Джойса и Кафки (и из Оскара Милоша) и прививал в Литве европейские, главным образом французские, философские течения. После войны Келюотис прошел сталинские лагеря, как и Борута, хотя они были людьми с совершенно разной политической ориентацией.

Все эти знакомства и влияния действовали в одном направлении: учили, что какой бы то ни было этноцентризм (будь то польский или литовский) недопустим, что всякую проблему, в том числе и проблему Вильны/Вильнюса, следует рассматривать с нескольких равноценных точек зрения. Размышления о судьбах Вильнюса привели Милоша спустя многие годы к сжатой формулировке: «Всякий желающий добра этому городу должен желать, чтобы он был столицей — что автоматически снимает любые польские притязания на «польское Вильно»». В эмиграции, а потом и в Польше он нашел людей, мысливших подобно, прежде всего Ежи Гедройца. В конце концов они и нашли решение проблемы «литовского Иерусалима», ибо политики пошли по уже протоптанной ими тропе.

Милош был вынужден покинуть Вильнюс в 1940 г., когда туда въехали сталинские танки. Вернулся он через 52 года, о чем написал замечательный поэтический цикл, — когда Вильнюс снова впервые с XVIII века или даже со времен Средневековья стал столицей независимой страны. Тогда Милош уже был одним из самых знаменитых в мире поэтов, нобелевским лауреатом. Он принадлежал к тем, кого эмиграция не сломала: писал непрерывно, и чаще всего — на темы, связанные с Литвой и ее столицей. Сгущенные, полные отступлений, визионерские стихи Милоша создали мифологизированный образ отчизны, который в сознании сегодняшнего читателя стоит рядом с образом Литвы у Мицкевича, хотя построен совершенно иначе, по принципу коллажа. В «Порабощенном уме» Милош одним из немногих говорил о трагедии прибалтов. Стране детства и молодости он посвятил книги с красноречивыми заглавиями — «Родная Европа», «Начиная с моих улиц», «Поиски отчизны». Он говаривал, что пишет в пустоте, практически без читателей, и кладет рукописи в дупло (что в XIX веке считалось старолитовской традицией). Это было не совсем так. То, что он писал, вскоре начало проникать в Польшу и даже в оккупированную Советским Союзом Литву.

Тут я позволю себе личные воспоминания. Впервые я прочитал несколько стихотворений Милоша в довольно неудачных литовских переводах в уже упомянутом журнале «Науйои Ромува». Подшивки журнала лежали в спецхране, но у моего отца сохранился один из редких комплектов. Потом мне в руки попала «Родная Европа», присланная в Вильнюс невероятным способом: целую книгу пересылали в письмах по листику, страницу за страницей, — две страницы так и не дошли. Когда в период некоторой либерализации я получил разрешение ненадолго поехать в Польшу, я использовал это время — в домах Яна Блонского и Виктора Ворошильского — для лихорадочного чтения недозволенных текстов, прежде всего Милоша. Поэтому кое-что я о нем уже знал той весной, когда Иосиф Бродский был вынужден эмигрировать и я отправился в Петербург (тогда еще Ленинград)

попрощаться с ним. На прощальном обеде, изобиловавшем выпивкой, Бродский спросил, кто, на мой взгляд, лучший польский поэт — Збигнев Херберт? Я ответил: конечно, но еще есть Милош. «А на кого этот Милош похож?» — «Ну прежде всего на себя самого, но чуточку, может, на Одена, чуточку на тебя, Иосиф». — «Если так, то, наверно, хороший поэт». Бродский уехал в США, зная о Милоше всего лишь столько, но вскоре встретился с ним и подружился, что принесло прекрасные плоды. Оба были влюблены в Литву, которая в каком-то смысле их связала.

Интерес Милоша к литовским делам имел для меня некоторые результаты. Кажется, в 1973 г. я получил из Варшавы письмо от Виктора Ворошильского, который сообщал, что прочитал мое стихотворение «Зимний разговор» в переводе великого поэта. Я ответил, что, вероятно, знаю, кто переводчик, потому что великих поэтов у нас не так уж много, но хотел бы услышать, где перевод появился — не в некоем ли культурном городе (я имел в виду, разумеется, Париж и парижскую «Культуру»)? Ворошильский подтвердил мои предположения, а вскоре тайными путями добрался до меня этот номер «Культуры», так что я почувствовал себя посвященным в рыцари. Когда четыре года спустя я очутился в эмиграции, не кто иной как Чеслав Милош помог мне больше всех, и не только советами, но и самим фактом своего существования. Он был живым доказательством того, что эмиграция не обязательно означает проигрыш. У меня было впечатление, что он относился ко мне с симпатией, хотя и с несколько отцовской иронией. Мы всегда много говорили о Вильнюсе и нашей общей «альма матер». Я привез ему некоторые сведения о его давних литовских друзьях, потому что лично знал и Боруту, которого сталинские тюрьмы закалили, и Келюотиса, которого они, к сожалению, сокрушили. (Анцевича я никогда не встречал, но его хорошо знал мой отец.) Так много лет спустя связались нити памяти, подтверждая правило о том, что в культуре, как и в природе, ничто не исчезает. Я знал также окрестности Шетейняй, хотя и не сам Шетейняй. Разговоры об этом нашли отголосок в поэме «Особая тетрадь: Звезда Полынь»:

Когда Томас привез известие, что дома, где я родился, нету,

Ни аллея, ни сбегавшего к берегу парка, ничего,

Мне приснился сон возврата. Счастливый. Яркий. И я летал.

Деревья были даже выше, чем в детстве, они выросли за то время, что уж не было их.

Он увидел Шетейняй отстроенным — теперь там Центр имени Чеслава Милоша. Стал доктором honoris causa Каунасского университета им. Витовта Великого, ректором которого когда-то был «краёвец» Михал Ремер, к которому Милош питал восхищение. В Вильнюсе он снова встретил Бродского, участвуя вместе с Виславой Шимборской и Гюнтером Грассом в открытии мемориальной доски русскому поэту, и при случае привел слова Иосифа: «Литовцы — это самая хорошая нация в империи» [по-русски в тексте]. Его издавали на бесчисленных языках, но литовские переводы интересовали его, быть может, больше всего: иногда они попадали в печать раньше, чем польские оригиналы. Он получил почетное гражданство Литвы, что только подтвердило его статус Поэта Обоих Народов — тот же статус, которым обладал Адам Мицкевич. Так дополнилась литовская глава великой жизни.

Год назад мы сидели с Шеймусом Хини в краковской квартире Милоша перед бюстом Эвридики — второй жены поэта, безвременно скончавшейся Кэрл. Милош сказал тогда — наполовину, пожалуй, в шутку, — что только литовец сумеет написать его полную биографию. Труд биографа мне не надлежит — вместо биографии Милоша я могу предложить лишь эту горстку воспоминаний. Но не исключаю, что это предсказание когда-нибудь сбудется.

3: ЧЕЛОВЕК С ГОР НА РАВНИНЕ

Михал Ягелло - директор польской Национальной библиотеки, председатель Всепольского библиотечного совета.

*

— Окончив отделение польского языка и литературы краковского Ягеллонского университета, вы уехали в Татры, став альпинистом и спасателем Добровольной горноспасательной службы (ДГСС). Чему вас научили горы?

— Меня горы выбрали сами, когда мне было всего восемь лет. Во время школьной экскурсии в королевский замок «Пескова Скала», я внезапно увидел настоящие голые известняковые скалы. Это стало для меня таким

потрясением, что я вернулся домой другим человеком и начал искать книги о горах. Потом, уже в средней школе в Прошовицах под Краковом, моим классным руководителем стал прекрасный знаток гор — Бескидских, Свентокшиских и Татр. Он устраивал походы и водил нас в них так умно, что это оказывался не просто туризм, а одновременно урок литературы и истории. Мы посещали усадьбу Генрика Сенкевича или пушу, описанную Стефаном Жеромским. А в Татры я попал в 17 летнем возрасте, со своим преподавателем польского языка и литературы, который дружил с Марией Каспрович, второй женой поэта Яна Каспровича. Благодаря нему и я подружился с пани Марусей и ее сестрой. Позднее, уже живя в Закопане, я бывал у них в доме. Я говорю об этом, потому что уже с самого начала горы были для меня пространством свободы, культуры и моей личной, вполне светской метафизики, то есть экзистенциальным пространством, которое проникло в меня так глубоко, что, уже став студентом-филологом, я сразу же связался с альпинистами и спелеологами и начал довольно интенсивно подниматься в горы и спускаться в пещеры. В 1962 г. я стал сотрудничать с Добровольной горноспасательной службой (ДГСС). Там я выполнял самые различные функции — например, был представителем по связям с прессой, — но, что было самым главным, мог участвовать в спасательных мероприятиях и довольно быстро начал писать о горноспасателях — в профессиональном ежегоднике «Вершины» и в ежемесячном журнале «Альпинист». В то же время я непрерывно продолжал совершать восхождения. В 1967 г. на Кавказе мне пришлось пережить чрезвычайно драматические минуты. Я едва не остался навсегда на вертикальной стене Накра-тау, между Эльбрусом и Ушбой. И все равно это никак не уменьшило моего влечения к горам. В начале 70-х я стал руководителем ДГСС в Татрах. Впоследствии я переехал в Варшаву, но все равно остаюсь человеком, который не может прожить без гор.

— В своей книге «Призыв в горах» вы написали: «Человек, идущий в горы, начинает с ними игру». Вы все время вели эту игру?

— До сих пор в горах я чувствую себя дома больше, чем где бы то ни было, — и особенно свободным. Они заменяют мне религию. Однако с точки зрения человека верующего я неверующий.

— Но ведь это чистой воды пантеизм.

— Вне всякого сомнения. Я стараюсь жить так, чтобы без стыда смотреть людям в глаза. Я руководствуюсь тем, что когда-то называли системой героических светских моральных заповедей. Мои связи с институционализированной Церковью довольно запутаны, и именно отсюда появились горы, прежде всего — спасение людей в горах. Сам альпинизм — это психофизиологический феномен, а спасение в горах — это своего рода священнодействие. Обряд на границе физики и метафизики.

— Пригодился ли вам этот опыт в жизни на равнине?

— Наверняка. Я в детстве и ранней молодости был таким впечатлительным существом, что какое-то одно не слишком доброжелательное слово меня глубоко ранило. Это было настолько сильно, что начало мешать мне нормально жить. А спортивный альпинизм и горноспасательная деятельность, имеющие много общего с мазохизмом и каторжным трудом, выработали во мне твердость, сопротивляемость жизненным невзгодам, одновременно взаимодействуя с той же впечатлительностью, которая никуда не девалась. В молодом возрасте, будучи начальником ДГСС, я отвечал за жизнь как попавших в беду, так и спасателей. Я был вынужден принимать драматические решения, например когда нужно прекратить поиски, потому что разыскиваемого спасти уже не удастся, а я могу потерять своих людей.

Что касается ситуаций более обыденных, то если бы не самодисциплина, выработанная в горах, я не был бы в состоянии в течение тех восьми лет, когда я был заместителем министра культуры, написать столько книг. А писал я их в министерской машине с шофером, вставая рано утром и направляясь куда-нибудь в командировку. Требуется определенного искусства и руководство Национальной библиотекой, где трудятся около тысячи человек, среди которых нередко встречаются сильные личности, специалисты высшей квалификации, скрытные, не любящие давать интервью и выступать по телевидению. И здесь мне на помощь приходит опыт, приобретенный в горах. Хотя бы для того, чтобы создавать условия для участия в совместной работе и для принятия на себя ответственности за нее, и в то же время знать, когда заканчивать бесплодные прения и принимать окончательное решение.

— В 1966 г. вы вступили в ПОРП. Это произошло ровно через 10 лет после памятного «польского октября», когда столько членов партии выбросили свои партбилеты. В том же самом 1966 г. началось известное «дело Колаковского». Крупнейший философ и историк после своего выступления на юбилейном собрании на историческом факультете Варшавского университета, посвященном годовщине «польского октября», был исключен из партии. Группа выдающихся писателей в знак протеста покинула партийные ряды. Чем же вы лично руководствовались в своем решении о вступлении в партию?

— Я уже много раз «исповедовался» на эту тему публично, без утайки. Это было сознательное решение, принятое мною после длительных споров с самим собой и разговоров с друзьями. Причиной стала ситуация, восходящая к 1963 г., когда, еще будучи студентом, я получил рекомендацию Союза польских студентов для поездки в Альпы. Для начинающего альпиниста открывался огромный мир. Я приехал с вещами на вокзал в Варшаве, где мне сообщили, что в выдаче заграничного паспорта мне отказано. На вопрос «почему?» я получил ответ: «По важным государственным соображениям». Когда передо мной открылась возможность работать в ДГСС, я оказался перед перспективой никогда не покинуть пределов Татр. Поэтому вполне цинично и оппортунистически, признаюсь в этом, я подал заявление в партию. И действительно, благодаря этому мне выдали заграничный паспорт, и я смог поехать в горы Шотландии, а затем — в Турцию. С этого момента и вплоть до военного положения мне никогда не отказывали в выезде за границу.

Человек — это животное, необычайно способное к самообману. Так и я под это решение подвел идеологическую базу. Я знал из родительского дома, что такое Польская рабочая партия, позднее получившая название Коммунистической партии Польши, я знал о Катыни, но в то же время я был воспитан на пограничье российской и австро-венгерской частей Польши, где приличествовало элементарное уважение к государственной власти. Даже мои родители (да и деды и бабки) — крестьянская католическая семья, не националистическая, а по сравнению с другими крестьянскими семьями довольно открытая, — относились к ПНР непросто. Несмотря на то что от земельной реформы они не получили ни одного квадратного метра земли, они считали ее своего рода торжеством исторической справедливости. С одной стороны, они поносили «безбожный» режим, а с другой — одобряли возможность продвижения по социальной лестнице многих представителей общественных низов.

В университете мы с приятелями вели бесконечные, как выразился поэт, «ночные беседы и жаркие споры». Я относился к ним с уважением, а они как раз тогда вступали в партию. На мои вопросы ответ был один: «Потому что этот строй нас всех переживет. Надо принимать его как историческую неизбежность, полной независимости мы все равно не добьемся. А если так сложилось, то почему нами должны править идиоты? Подумай, если группа образованных молодых людей, не думающая исключительно о собственной выгоде, начнет что-то менять в партии изнутри...» Я принял их аргументацию и сам стал так думать. Мне казалось, что у меня настолько прочный моральный костяк, что меня-то не сломают. Я никогда не произнес: «Для партии я готов на все». В 1968 г., в момент вторжения в Чехословакию, я заявил на собрании, что это позор для социалистического движения! Уже после событий на Балтийском побережье 1970 го, выступая в Закопане, я публично сказал, что если когда-нибудь еще будут стрелять в людей, то я ни минуты в партии не останусь.

— *Как получилось, что вас назначили заместителем заведующего отделом культуры ЦК ПОРП?*

— После августовских забастовок 1980 г. и возникновения «Солидарности» я с самого начала был уверен, что все это не просто возня из-за поллитры и куска колбасы. Уже на второй день к забастовке присоединился и мой ближайший партнер по Кавказу Ежи Милевский, выдающийся физик. Ежи был со мной в постоянном контакте и рассказывал о харизматическом электрике по имени Лех Валенса. Благодаря этому я с самого начала осознавал, что все это очень серьезно — такое сочетание национально-освободительного восстания с социальным движением. «Мы за социализм, но против его извращений». Я был этим совершенно заворочен, но в то же время боялся: я знал из истории, что у каждой революционной ситуации есть своя внутренняя динамика. Я тогда работал на телевидении, и, к моему изумлению, мне предложили занять высокую должность в ЦК. После непродолжительного размышления я это предложение принял. Мое имя всплыло, по всей вероятности, потому, что первым секретарем ЦК был избран Станислав Каня, который искал возможности укомплектовать свою «команду». Из Мексики он вызвал Юзефа Клясу, бывшего первого секретаря партии в Кракове, с которым я тоже был связан, так как он много помогал Горноспасательной службе. Знал он и мои взгляды. Он был поставлен на ключевой пост заведующего отделом печати, радио и телевидения. А обо мне подумали, вероятно, потому, что был нужен человек партийный и в то же время пользующийся определенным авторитетом среди деятелей культуры. Я выпускал передачу «Студия фактов и сенсаций», и у меня были контакты со средним и молодым поколением режиссеров. Я решил, что раз уж началось что-то настоящее, то движение «Солидарность» становится необычайно важным и нужно делать все что угодно, чтобы его сохранить. А поскольку геополитическая ситуация не меняется, то единственным шансом остается укрепление немногочисленного, но существующего в ПОРП либерального течения. То есть пытаться объединить между собой умеренных деятелей с той и другой стороны. Так я тогда рассуждал.

— *В качестве члена ЦК вы в то время ездили в Москву. Как Кремль реагировал на то, что происходило в Польше?*

— В 1981 г. я был в Москве дважды. Первый раз — в момент быдгощского конфликта, второй — во время кинофестиваля, летом. Поскольку Каня не использовал против «Солидарности» вооруженную силу, его контакты

с руководством в Москве все время ухудшались. В Москву отправилась делегация отдела культуры ЦК, что рассматривалось как определенный успех — вот, все-таки кто-то согласен нас принять. Это пребывание стало для меня потрясением. Во-первых, я осознал, насколько нас принимают всерьез. Нам показали зал, где около 60 человек изучали разные малотиражные публикации, издаваемые «Солидарностью». Я заглянул через плечо одного из читающих и увидел у него в руках листовку, изданную на Щецинской судовой верфи всего тремя днями раньше. Переговоры у нас шли трудно. Самой важной персоной, до которой нам удалось добраться, был секретарь ЦК КПСС Зимянин, который рассердился, услышав, что мы осмеливаемся утверждать, что в Польше происходит просто попытка реформировать систему. «Это контрреволюция, — говорил он. — Но мы вас в беде не оставим». Один из представителей Кремля мимоходом сообщил, что если будет нужно, то они вывезут сюда мою жену и двух дочек. Меня как громом поразило. Во время последней беседы я осмелился утверждать, что никакая это не контрреволюция. Мы высоко ценим русскую культуру, наши работники культуры хотят смягчения цензуры, потому что это их очевидное желание. Он не выдержал, ударил кулаком по столу и крикнул: «Тут вам не Ваньки сидят, а представители великого народа!» Когда мы прощались, он попросил передать привет в первую очередь товарищу Ярузельскому... ну и товарищу Кане. Я уже не сомневался, что это должно было означать.

Но зато другой приезд был очень интересным. Хотя на нас старались повлиять все, от гостиничных дежурных по этажу до министра кинематографии, которые, как заклинание, повторяли: «Мы вас в беде не оставим», — но один из людей, занимавших в ЦК КПСС примерно ту же должность, что и я, взял меня на прогулку по набережной и сказал: «Запомни, мы вам никогда не простим, мы, то есть русская интеллигенция, — он использовал именно это определение, — если вы, активисты ПОРП, утратите связь с творческими работниками, с польской интеллигенцией». — «Почему?» — воскликнул я. — «Как это почему? Между Западом и Россией лежит Польша. В Россию с Запада доходят все течения, но уже немножко полонизированные, профильтрованные, благодаря чему русским их легче принять». А ведь этот человек, говоря мне нечто подобное, многим рисковал. Именно поэтому, когда появился Горбачев, я не был удивлен, так как уже знал, что в России есть такие люди. Впрочем, мой собеседник, петербургский интеллигент, появился в окружении Горбачева.

— В день объявления военного положения вы вышли из здания ЦК — и из партии. Вам это все опостылело?

— Быть может, это прозвучит не очень красиво, но объявление военного положения помогло мне решить несколько стоящих передо мной дилемм. Уже после первого посещения Москвы я был уверен, что у нас ничего не выйдет, потому что если бы партия договорилась с «Солидарностью», то для Кремля это было бы слишком опасно. Однако я решил, что раз уж я нахожусь в этом здании, то буду создавать в области культуры как можно больше совершившихся фактов. Членом политбюро и секретарем ЦК был избран мой бывший шеф из краковского Союза польских студентов Хиероним Кубяк, который считал, что нужно пытаться идти до конца. Своей задачей мы считали убеждать творческих работников, чтобы они, независимо от того, что думают, не говорили этого вслух, ибо мы не можем дать русским никакого предлога для вмешательства. Люди взволнованно и серьезно смотрели фильм Анджея Вайды «Человек из железа» — и не было никаких скандалов, восклицаний, призывов, которых все боялись. Ежи Анджеевский согласился стать председателем жюри Всепольского кинофестиваля в Гдыне. Это означало, что художники, творческие работники не бойкотируют официальные мероприятия, что они тоже ведут определенную игру. Я принадлежал к кругу людей, которые пытались сделать что-то осмысленное: копия «Человека из железа» попала на Каннский фестиваль (где фильм получил главную премию — «Золотую ветвь»), шли съемки «Допроса» Рышарда Бугайского и «Озноба» Войцеха Марчевского. На экраны вышел фильм Януша Заорского «Мать Королей», на Берлинский фестиваль поехала «Горячка» Агнешки Холланд. В кинотеатрах на закрытых сеансах (в газетах сообщали, что сеанс предназначен для работников некоего предприятия, что уже было забавно) показывали документальный фильм Анджея Ходаковского и Анджея Зайончковского «Рабочие-1980», посвященный августовским забастовкам.

Ситуация была революционная, аппарат ЦК полностью разрегулировался. Благодаря этому я мог позволять себе делать то, что в обычное время было бы невозможно. В подобных мероприятиях я шел до конца, потому что знал, что все равно долго в ЦК не останусь. Если бы я не был психически подготовлен к уходу со всех своих постов и из самой партии, то по крайней мере о половине того, что мне удалось сделать, я даже подумать бы не осмелился.

Наконец пришел момент, когда я сказал сам себе: хватит. Я был убежден, что русские нападут на нас. Для этого им не надо было даже переходить границу: здесь на базах их было достаточно. 13 декабря 1981 г. я вышел из здания ЦК. Официально из партии меня выгнали через три месяца. Танки на улицах; неизвестно, сколько это все продлится. У меня дома начала собираться интеллигенция. Один из знакомых, ссылаясь на премьер-министра Мечислава Раковского, предупредил, что за мной следят и дело может кончиться арестом. Оказалось, что я был

самым крупным по занимаемой должности сотрудником аппарата ЦК, который сделал то, что сделал я. К тому же наделали шуму и международные СМИ — радио «Свободная Европа», «Голос Америки», газета «Вашингтон пост». От друзей с Запада начали приходить телеграммы с поздравлениями. Хиерониму Кубяку удалось выхлопотать для меня специальное разрешение, благодаря которому я вместе с семьей смог уехать в Закопане.

— Вы впоследствии вспоминали, что страшно боялись, что прольется кровь, и что этого не произошло, потому что поляки слишком хорошо помнили ужасы Варшавского восстания. А на самом деле, быть может, мы были просто предтечами того процесса, который мы все время наблюдаем у наших соседей — процесса мирного решения проблем, начиная с разрушения Берлинской стены, «бархатной революции» в Чехословакии и, наконец, «оранжевой революции» на Украине?

— Но, с другой стороны, если бы не Варшавское восстание, не горький опыт Будапешта и Пражской Весны, может быть, история развивалась бы иначе?

Анджей Василевский, директор и главный редактор Госиздата (ПИВ), занимающий высокое положение активист ПОРП, издавал книги, которые «де-факто» подрывали реальный социализм. Он нашел для этого свой способ — публиковал соответствующее предисловие в качестве защитного «зонтика». И вот этот самый Анджей был так потрясен тем, что я делаю в ЦК, что после своего возвращения из Москвы провел со мной принципиальный разговор. «Что ты делаешь?! — кричал он. — Это кончится хуже, чем в Чехословакии, где профессора становились кочегарами в котельных!» Часть людей из ПОРП потому вела себя так пугливо, что у них были свои травмы и шрамы. Но вы правы, в принципе это был единый процесс. Я думаю, что «круглый стол» был огромным успехом поляков. За это стоило заплатить цену «моральной расплывчатости», отказа от проведения радикальной декоммунизации. В 1989-1997 гг. я был заместителем министра культуры; я провел сотни часов на ночных заседаниях правительства Тадеуша Мазовецкого. Заместителем премьер-министра и главой МВД (куда входила госбезопасность) оставался генерал Кишак, министром обороны — генерал Сивицкий, и если бы господин Мазовецкий говорил им время от времени «долой коммуны!», то что бы это изменило? Вели бы они себя так же спокойно? А эти два генерала были вполне лояльны по отношению к премьеру.

— Во время военного положения вы стали секретарем редакции издания польских иезуитов «Пшегленд повшехном» и начали писать книгу, полный текст которой был опубликован только в 2001 году: «Попытка диалога. Заметки о гуманистическом католицизме и «Тыгоднике повшехном»: 1945-1953». Кто был вашим предполагаемым собеседником?

— Я написал текст под названием «Попытка диалога», опубликованный в четырех частях в «Пшегленде повшехном». Это была статья, где цитировались тексты иезуитов, публиковавшиеся в период между двумя мировыми войнами, но также и тексты о польском социалистическом движении. И вот в какой-то момент я пришел к выводу, что это заглавие может стать названием целой книги. Дело в том, что меня интересует так называемое открытое католичество, то есть лишенное ксенофобии, верное католическому вероучению, но уважающее другие религии и вероисповедания, стремящееся сочетать веру с разумом, а религию как универсальную ценность — с ценностями, живущими в польском народе. Это была попытка найти точку соприкосновения между этими противоположностями. Меня лично заинтриговал тот факт, что польские иезуиты сумели провести различие между польским вариантом социализма, связанным с борьбой за независимость, и другими видами социализма. Я полагаю, что существовала возможность сближения этого «открытого» течения в польском католичестве, которое я называю гуманистическим, с социализмом, так как его представляли приверженцы так называемого католического социального учения. А размышления христианских философов над отношениями «труд и капитал», «наемный работник и его начальник» действительно интересны. Правду говоря, даже Папа Иоанн Павел II питал иллюзии, что существует некий третий путь в экономической жизни. С возрастом он все острее критиковал западную цивилизацию, рыночную экономику, вступив тем самым на старую истоптанную дорожку Церкви, которая ведет свое начало от великой социальной энциклики Папы Льва XIII «Rerum novarum» [«О новых вещах», 1891]. На самом же деле есть экономика либо рыночная, либо плановая, а третьего пути просто нет. Но зато хорошо, что существуют моральные раздумья и мысли по поводу рыночной экономики — они-то для меня и есть католическое социальное учение. Я сожалею, что в межвоенный период не возникло более или менее глубокого интеллектуального диалога между частью католиков и частью социалистов из Польской социалистической партии (ППС). У обеих сторон были свои обиды и травмы. Но если покопаться в лозунгах социализма, то мы найдем там призывы Иисуса из Нагорной проповеди — быть солидарными, делиться имуществом и т.п. Однако церковная иерархия относилась к социалистам с подозрением. Дело в том, что эта иерархия редко когда замечала различия между социализмом в духе независимости и социализмом, уже весьма близким к коммунизму. Она исходила из принципа, что в трудных ситуациях социалист всегда поддержит коммуниста и большевика. Что, разумеется, абсолютная неправда! Когда Польша и вся Европа нуждалась в серьезном интеллектуальном диалоге, в польской Церкви все явственнее выходило на первый план

националистическое течение, характеризующееся маниакальной подозрительностью по отношению к каждому, кто хоть чуть-чуть левее центра. Случалось, что даже Союзу всепольской молодежи, который без зазрения совести злоупотреблял именем Божиим, епископы многое прощали. Прощали, потому что те были — свои. После войны, к сожалению, верх одержала коммунистическая линия ППР, а не ППС. Идеи, характерные для социализма в духе независимости — а фактически для социал-демократии, — не исчезли безвозвратно. Я знаю это по себе. Будучи членом ПОРП, я носил в себе определенные идеи ППС, которые вычитал у Станислава Бжозовского, Эдварда Абрамовского, а потом — у моего друга Яна Стшелецкого.

— В «Попытке диалога» вы пишете: «Благодаря этой книге я убедился, что я — персоналист». Но в каком качестве — как католик или как социалист?

— Я по-прежнему связан с «Пшеглэндом повсехным» и являюсь членом программного совета этого ежемесячника. Я агностик, но во мне сидит «homo religiosus», тот самый «человек с гор» в непрестанных поисках светской литургии. Я думаю, что какой-то вид религиозности генетически вписан в вид Homo sapiens, и это оберегает меня от крайних форм атеизма. Я счастлив, что дружу с такими мудрыми людьми, как двое выдающихся иезуитов: с отцом Станиславом Опелей — философом, основателем теперешнего издания «Пшеглэнда повсехного» и отцом Вацлавом Ошайцей — прекрасным поэтом, его главным редактором. Несмотря на очевидные различия, есть множество вещей, которые нас объединяют.

— В части, посвященной открытому католицизму 30-х годов прошлого века, вы пишете о борьбе интеграллистов с интегритами по поводу участия Церкви в политической жизни.

— Я начал заниматься этими вопросами из внутренней потребности, так как в морально-идейном смысле я тогда был, можно сказать, весь в синяках. После 15 летнего пребывания в рядах ПОРП я благодарил судьбу, что на моем жизненном пути появились иезуиты и предложили сотрудничать с ними. Я тогда зарабатывал на жизнь в качестве верхолаза, покрывая краской опоры линий высокого напряжения и выполняя другие работы «на высоте». Но, участвуя в редактировании «Пшеглэнда повсехного», я сознавал, что интеллектуально развиваюсь и, что было тоже важно, не вхожу в противоречие с самим собой, потому что у иезуитов никто лез мне в душу. Я встретил там прекрасных людей. А поскольку я уже много лет был знаком с Ежи Туровичем, Яцеком Возняковским, Станиславом Стоммой, то решил написать статью о «Тыгоднике повсехном». Я обнаружил, что в Польше почти нет литературы о гуманистическом католицизме в межвоенное двадцатилетие. А поскольку у меня уже была написана книга «Постоянство и перемены. Заметки о «Пшеглэнде повсехном»: 1884-1918», то приятели уговорили меня расширить вступительную часть, которую я назвал «Родословная». И вот как раз там-то я и вытащил на свет Божий такие проблемы, как антисемитизм и национализм. Оказалось, что для многих людей эти тексты были открытием. Моя книга — это по сути дела антология или даже справочник, в котором можно найти сотни цитат из книг и газетных статей, которые уже совсем запылились на библиотечных полках и все о них позабыли. Действительно, кто сегодня читает «Pro Christo»? А этот журнал знать необходимо, если ты хочешь понять, насколько были сильны националистические и антисемитские тенденции в определенных кругах польской Церкви. По чистой случайности я нашел свой метод — это эссеистика, чрезвычайно насыщенная цитатами, которые стали неопровержимыми аргументами. Никто не поверил бы моему изложению, а цитатам не поверить невозможно.

— Встретились ли вы с подобными откликами, как Чеслав Милош, издавший антологию «Путешествие в межвоенное двадцатилетие»? Он тоже приводил цитаты, а услышал упреки в очернении польской истории и чуть ли не в кощунстве.

— Милошу было труднее, потому что он, ни в чем не отступив от истины, все-таки подобрал цитаты под определенным углом зрения. Я же цитировал наряду с возмутительными текстами и такие, которые можно назвать благородными. Обращаясь к «Pro Christo», я в то же время обращался и к виленскому «Паксу», люблинскому «Возрождению» и «Verbum».

— По вашему мнению, не играет ли сегодня «Тыгодник повсехный» не новую для себя роль одинокого островка? Когда-то это был островок независимости в море тоталитаризма, а сегодня — если не в море, то в реке католического фундаментализма.

— Не стоит преувеличивать. Вспомните, что по-прежнему существуют журналы «Знак», «Вензь», «В дродзе» («В пути») и «Пшеглэнд повсехный». Правда, это публикации для узкого круга читателей, распространяющиеся в двух-трех тысячах экземпляров, но так уж с этим обстоит дело в демократических обществах. И всё же они обладают определенным влиянием, способствуют формированию общественного мнения. Верно также и то, что «Тыгодник повсехный» — это единственный католический еженедельник, совершенно лишенный догматического характера, и против него выступают «Наш дзенник» и весьма влиятельное радио «Мария».

Правда, если посмотреть на все это с другой стороны, то можно задаться вопросом: а как выглядит большинство польских католиков? Большинство исповедует простонародное католичество. Интеллектуальная аргументация доходит до них с большим трудом, если вообще доходит.

— В 1989 г. вы в качестве замминистра культуры и искусства непосредственно участвовали в формировании политики государства по отношению к национальным меньшинствам. В своей очередной книге «Партнерство ради будущего. Заметки о восточной политике и национальных меньшинствах» вы приходите к выводу, что мы должны освободить наши бывшие «восточные территории» от груза «ментальности пограничья». Что такое «ментальность пограничья»?

— Это очень рискованный тезис, и я до сих пор удивляюсь, что мне за него как следует не влетело. Опыт учит нас, что на территориях пограничья рождаются две категории людей. Во-первых, смелые, патриоты — но не «ура-патриоты», то есть это патриотизм с уважением к другому, иному человеку, живущему рядом со мной. Характерно, что сельское население, крестьяне характеризуются этой прекрасной чертой весьма мудрого и деликатного отношения к «иному»: иду я в свой католический костел, а заодно зайду и в православную церковь. А вторая категория — это зачастую люди со шляхетской родословной, занимающие позицию, которую когда-то называли позицией «рыцаря пограничья»: они ощущают это пограничье как неустанную угрозу собственному национальному облику. Националисты вообще внутри себя так неуверенны в себе, что должны во весь голос кричать о своем национальном самосознании — во всеуслышание и «с заглавной буквы», как будто находятся в осажденной пограничной крепости с наглухо закрытыми воротами. Я против этого протестую, потому что считаю, что пограничье может быть школой терпимости, где приобретается умение давать другому и брать от него. Это территория, на которой никто не в состоянии обозначить границу с точностью до метра — границу этническую, этнографическую, языковую, культурную, ибо нередко они проходят внутри семей и даже, сколь бы это ни казалось удивительным, внутри отдельного человека.

В первом издании книги я написал по поводу Львова, что если мы, поляки, не сумеем убедить украинцев, что кладбище «орлят» — это кладбище молодых людей, участвовавших в братоубийственной войне, то мы проиграем. Если наши мероприятия по реставрации и реконструкции этого кладбища будут хотя бы частично направлены на восстановление пантеона славы польского оружия и памятника польскому присутствию на этих землях, то у нас нет никаких шансов. Каждый из этих ребят имеет право на крест, но обязательно ли здесь же должен присутствовать лев?

— Вы пишете о двух концепциях нации.

— Первая, принадлежащая Александру Солженицыну, — это концепция нации как сообщества, обладающего собственным генезисом и предназначением в надысторической сфере. Это концепция романтическая.

Вторая, принадлежащая британскому антропологу Эрнесту Геллнеру, — рассматривает нацию как явление, созданное самим человеком, как плод его убеждений, лояльности и солидарности. Это концепция гуманистическая.

— Какая из них больше соответствует идеалу современной Европы?

— Нация — это сообщество определенной мифологии, идеологии и определенных культурных тропов (или, если угодно, метафор). Совершенно замечательно, если в каком-то государстве ценности, признаваемые таковыми большинством граждан, считаются самоочевидными. Но даже в таких государствах, как Польша, где подавляющее большинство жителей отождествляется с католичеством, лучше будет сказать, что Польская Речь Посполитая образца 2005 года — государство не одной нации, а многих народностей. Я боюсь термина «национальное государство». В государстве же многих народностей человек родом из национального меньшинства имеет больше шансов полностью чувствовать себя дома. Поэтому я считаю чрезвычайно важными чисто символические жесты. Например, в свое время премьер Влодзимеж Цимошевич по моей просьбе принял на себя почетное покровительство над Фестивалем цыганской культуры в Гожув-Велькопольском. Он даже участвовал в праздничном концерте, провозгласив: «Вы у себя дома». Он же появился на Фестивале украинской культуры в Перемышле, организованном Польским союзом украинцев, вновь повторив на стадионе: «Вы у себя дома». Премьер Ханна Сухоцкая сказала то же самое, обращаясь к польским немцам. Каждый подобный жест — это сигнал для других, как они должны себя вести. И мне хотелось бы подчеркнуть, что в течение последних 15 лет в Польше сменяются премьеры, но политика по делам национальностей, сформированная всего несколькими людьми — Тадеушем Мазовецким, Яцеком Куронем, Изабеллой Цивинской, Кшиштофом Скубишевским — остается неизменной. И тот факт, что бюджет государства, через посредство министра культуры, позволяет издавать литовскую «Аушру», белорусские «Ниву» и «Часопис», украинское «Наше слово», «Еврейское слово», словацкий «Живот», цыганский «Пром до Дром», я считаю огромным достижением Третьей Речи Посполитой.

— *С 1997 г. вы директор Национальной библиотеки. Участвует ли библиотека в реализации восточной политики Польши?*

— Думаю, да. Разумеется, по-своему, но в рамках договоренностей с МИДом и министерством культуры. Цикл «Наши соседи, иной взгляд» — это своего рода внутренняя зарубежная деятельность, это восточная политика, потому что мы охватываем своими мероприятиями Литву и Белоруссию; юго-восточная политика, потому что у нас теперь проходит выставка «Польша—Чехия». В ноябре мы открываем выставку «Между чуждостью и близостью: поляки и немцы», а в будущем году покажем выставку «Польский взгляд на Эстонию и Латвию». Я уже знаю, что, по всей вероятности, мы устроим также выставку «Поляки и венгры» и «Польша—Австрия». Эти выставки стали почти самостоятельным культурно-политическим институтом. На них всегда в качестве почетных гостей бывают директор национальной библиотеки данного государства и его посол. В случае выставки «Польша—Россия» мы по просьбе российской стороны показали в Москве и Санкт-Петербурге сокращенную («экспортную») версию выставки «Между отторжением и восхищением. Польша—Россия: из истории культурных контактов». Есть надежда, что с подобным предложением обратится к нам и Германия. Эстонцы и латыши свои приглашения уже подтвердили. Мы постоянно стараемся отвечать на просьбы, поступающие к нам из библиотек наших восточных соседей, причем это далеко не всегда местные библиотеки польской диаспоры. Если только у нас есть дубликаты, если нам удастся получить какую-то финансовую помощь, мы немедленно реагируем и отправляем посылки. Но мы всегда это делаем исключительно по предложению или просьбе другой стороны. Я никогда не допустил бы никаких действий или мероприятий, которые могли бы быть восприняты как самовольное поведение за границами Польши, особенно на землях, принадлежавших довоенной Польше. Я должен вести себя очень внимательно, чтобы никто не мог меня упрекнуть, будто я его колонизирую. Если у меня есть обращение от ректора университета или института, например украинского, поддержанное местными властями и получившее положительный отзыв нашего консула, то я по мере возможности действую. Недавно я получил письмо от директора Национальной библиотеки в Абакане, столице Хакасии, где проживает 140 народностей, что там требуются польские книги, потому что он решил открыть в своей библиотеке польский культурный центр. Что ж, мы можем этому только радоваться.

— *Пожалуйста, расскажите об издательской деятельности Национальной библиотеки.*

— Мы издаем специализированные монографии и библиографические книги. Печатаем труды, посвященные комплектованию собраний книг, — плод многолетнего труда специалистов Национальной библиотеки. Издаем мы и периодику — в частности, «Ежегодник Национальной библиотеки», ежеквартальный «Информационный бюллетень» и ежемесячный журнал «Коммюнике». Уже много лет мы в финансируем издание таких журналов, как «Новые книги», «Диалог», «Литература в мире», «Творчество», «Музыкальное движение» и «Новая Польша». С недавних пор мы стали участвовать в издании ежеквартального «Акцента» и ежемесячной «Одры».

— *Ваша библиотека играет также роль литературного салона.*

— Да. Я организовал нечто вроде салона писателей и издателей, причем не только польских. Недавно мы принимали у себя русских писателей и переводчиков, постоянно сотрудничающих с «Новой Польшей». Вскоре нашими гостями будут двое писателей из Литвы. Только что прошел «День чешского филолога». В мае мы собираемся представить львовское издательство «Каменяр». Ну и, как я уже говорил, масса выставок, даже музыкальные концерты. Библиотека — это живое место.

Беседу вела Сильвия Фролов

4: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- "Президент Александр Квасневский и маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич сообщили, что выборы в Сейм и Сенат пройдут 25 сентября, а первый тур президентских выборов - 9 октября". ("Тыгодник повсехный", 29 мая)
- Из интервью с президентом Александром Квасневским: "После французского "нет" [в референдуме по европейской конституции] очевидным образом растет ответственность стран, у которых ратификация еще впереди, особенно Польши (...) Мы несем долю ответственности за судьбы Европы. Я считаю, что эта конституция выгодна Польше и полякам, так как она дает нам возможность пользоваться благами интеграции и помогает строить сильную Польшу в сильной Европе (...) Если бы кто-нибудь спросил у меня, кто обладает качествами, необходимыми президенту, и в высшей степени понимает европейскую идею, то я назвал бы два имени: Тадеуша Мазовецкого и Влодзимежа Цимошевича. Это люди, которые многое сделали для европейской идеи, которые преданы ей и у которых есть личная позиция, важная с точки зрения европейского партнерства, так что их голосом в Европе невозможно пренебречь". ("Политика", 11 июня)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих президентских выборах за Леха Качинского готовы проголосовать 26% поляков, за Збигнева Религу - 18, за Дональда Туска - 15, за Марека Боровского - 14, за Анджея Леппера - 10%. ("Газета wyborcza", 11-12 июня)
- "Политиков легко убедить, что ничто так не повышает самооценку поляков, как унижение и дискриминация чужаков. Разных чужаков (...) О том, как используется потребность поляков в высокой самооценке, хорошо свидетельствуют предвыборные опросы. Бросающийся в глаза успех Леха Качинского в майских опросах и падение популярности политиков, которые не потчевали избирателей антироссийскими и антизападными заявлениями, свидетельствуют об очень низком уровне коллективной самооценки поляков, которую политики все чаще будут стараться использовать". (Михал Билевич, "Политика", 4 июня)
- Влодзимеж Цимошевич будет баллотироваться на президентских выборах. К этому его склонили "многочисленные голоса соотечественников" и последние опросы, в которых Цимошевич с 37-процентной поддержкой опережает прежнего лидера Леха Качинского. ("Газета wyborcza", 29 июня)
- Согласно усредненным результатам опросов, проведенных в июне ЦИОМом, ГфК "Полония", Лабораторией социальных исследований, "Пентором" и ЦИМО, в преддверии парламентских выборов "Гражданскую платформу" поддерживают 22% поляков, "Право и справедливость" - 21, "Самооборону" - 13, "Лигу польских семей" - 12, "Союз демократических левых сил" (СДЛС) - 7, аграрную партию ПСЛ и "Польскую социал-демократию" - по 5, Демократическую партию и "Унию труда" - по 4, Всепольскую партию пенсионеров - 2%. Избирательный барьер составляет 5%. ("Газета wyborcza", 16 июня)
- ""Окладники" - это депутаты маленьких фракций и независимые (...) Хотя они не принимают участия в дележе политической добычи, депутатские оклады для них - достаточный повод для того, чтобы эта каденция Сейма продолжалась (...) Во всех спорах они всегда стоят на стороне тех, кто гарантирует, что оклады (2381 злотый, свободный от налогообложения, плюс 10 тыс. на приемную) и зарплаты (9526 злотых для профессиональных депутатов) будут и дальше поступать на счета (...) В общей сложности вне родных партий, от которых их избрали в Сейм, действуют уже более 70 депутатов. Это сила, которая может иметь решающее слово почти в каждом голосовании". (Мартин Бояновский, "Политика", 21 мая)
- Депутат Сейма, заместитель председателя "Гражданской платформы" Зита Гилёвская вышла из партии. Вначале появились сообщения о том, что сын Гилёвской Павел собирается баллотироваться в Сейм в родном Люблине, закрепив за собой первое место в списке "Платформы". Печать сообщила также, что в приемной Гилёвской работала ее невестка, а ее сын получал гонорары за экспертизы из средств, выделяемых Сеймом. В пятницу правление партии постановило передать дело в товарищеский суд. В субботу Гилёвская отказалась от членства в партии. "Сегодня в Польше можно чего-то достичь, только решительно повышая стандарты политической жизни", - прокомментировал это лидер "Гражданской платформы" Ян Рокита. ("Жечпосполита", 23 мая)
- Маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич: "Политика все более вырождается, изобилует патологиями (...) Сегодня половина общества поддерживает обыкновенных политических авантюристов: "Лигу польских семей", "Самооборону" или "Право и справедливость". "Гражданская платформа", как мне кажется, - партия невероятно оппортунистическая и циничная. Честно говоря, сегодня я не вижу на польской политической сцене ни одной партии, к которой я мог бы относиться с полным уважением". ("Жечпосполита", 4-5 июня)
- Казимеж Куц, режиссер: "Нынешние польские партии - это фирмы, а политики - их работники. Они собираются вместе и думают, что бы такое сделать, чтобы фирма развивалась и приносила прибыль. А все развивается особенно быстро, когда можно править государством". ("Газета wyborcza", 17 мая)
- "В великопольском городе Гостынь кареты производит уже третье поколение Анджеевских (...) В мастерской работают 26 человек (...) Больше всего карет экспортируется в Германию, Испанию, Португалию и Голландию. Самый популярный конный экипаж "Victoria" стоит не более 20 тыс. злотых". ("Жечпосполита", 26-29 мая)
- "В первом квартале объем польского экспорта увеличился на 23,5% и достиг уровня 16,3 млрд. евро. Импорт рос медленнее - его объем увеличился только на 14,8%. В результате торговый дефицит (составивший 1,5 млрд. евро) оказался на 800 млн. меньше, чем год назад. В первом квартале быстрее всего рос экспорт польских товаров в Норвегию - на 180%. Почти удвоился экспорт в Россию, чья доля в наших экспортных поставках увеличилась с 2,4 до 4%. На 30-40% увеличились также поставки в Чехию и Великобританию". ("Жечпосполита", 13 мая)

- В первом квартале ВВП "увеличился лишь на 2,1%, а валовой доход промышленности - менее чем на 1%. Статистика не отмечает также роста инвестиций". ("Ньюсуик-Польша", 12 июня)
- "Сельскохозяйственные дотации ЕС и спрос на польские сельхозпродукты повышают стоимость земли. Цены земельных участков растут с головокружительной быстротой (...) С января по апрель текущего года Агентство сельскохозяйственной недвижимости продало почти 40 тыс. гектаров земли. Это в два с лишним раза больше, чем за тот же период прошлого года (...) За последние несколько месяцев земля в Польше подорожала в среднем на 18, а в некоторых регионах - даже на несколько десятков процентов. В конце 2003 г. гектар земли можно было купить за 3,5 тыс. злотых; сегодня за него надо заплатить более 5,4 тысяч. К покупке земли крестьян склоняет рост окупаемости сельскохозяйственного производства - за последний год она увеличилась почти на 46% (...) Крупные фермеры скупают землю у мелких, создавая современные, высокорентабельные производственные фирмы" ("Ньюсуик-Польша", 5 июня)
- "В Польше покупают все меньше мыла. Больше всего мыла поляки покупали в 1980 г. - 1,7 кг на человека (...) В 1994 г. на одного человека приходилось уже только 0,8 кг мыла, а в прошлом - 0,6 кг". ("Политика", 4 июня)
- Их последний продолжительный разговор состоялся в 1981 г. у примаса Юзефа Глемпа. Последнее рукопожатие - в 1989 г. в Сейме. Вчера в студии вновь встретились два политика, которые в последние четверть века оказали самое сильное влияние на историю Польши. "Мы сражались друг с другом. Вы боролись за одно, а я - за нечто совершенно противоположное, - говорил Валенса. - Теперь Польша нуждается в мудром примирении". Немного позже Валенса спросил: "Господин генерал, как вы считаете, я - коммунистический агент?" - "Если бы вы действовали по указке властей, вы бы нас не свергли", - ответил Ярузельский. В свою очередь сам он вопрошал: "Как это возможно, что меня обвиняют в предательстве? Ярослав Качинский говорит, что я скорее русский, чем поляк. Я чистокровный поляк, сибирский ссыльный. Я весь фронт прошел, как же можно?" "Того, кто еще несколько лет назад сказал бы, что легендарный вождь "Солидарности" будет обращаться за подтверждением нравственности своего поведения к человеку, который ввел военное положение, и что Ярузельский будет искать понимания у Валенсы, все сочли бы чокнутым", - комментирует это событие Павел Вронский. ("Газета выборча", 23 мая)
- Президент Чехии Вацлав Клаус: "Я считаю, что это [награждение в Москве ген. Ярузельского] не только ваша проблема. В 1968 г., в бытность министром обороны, Ярузельский участвовал в оккупации Чехословакии. Затем он преследовал "Солидарность" - это тоже было не только польское дело. Военное положение было одним из самых мрачных моментов в моей жизни, сравнимых с ситуацией у меня на родине в 1968 году". ("Впрост", 29 мая)
- "Что останется в нас после 9 мая в Москве? Память о том, что путинская Россия не любит поляков? Воспоминания об эквилибристике президента Квасневского? Этого маловато для события, которое дословно и символически показывает всю разницу между Польшей и Россией. В инцидентах может затеряться истинное значение конфликта, обозначившегося между двумя странами в последние недели (...) Мы обречены на конфликт интересов с нынешней Россией, независимо от того, зайдет ли речь о будущем Белоруссии и Украины, энергетических отношениях на линии РФ-ЕС или исторической политике. Мы обречены на конфликт интересов с Россией, опасной из-за своего страха перед истинной демократией и не признающей небольшие государства полноправными партнерами по диалогу (...) Это великий вызов для Польши". (Бартломей Сенкевич, "Жечпосполита", 16 мая)
- "Польский экспорт в Россию растет в головокружительном темпе. Это выгодно не только польским, но и западным фирмам, для которых Польша - выдвинутый на восток плацдарм. В прошлом году мы экспортировали в Россию товаров на общую сумму 2,85 млрд. долларов. Это почти на 90% больше, чем годом раньше. В этом году объем экспорта увеличивается в 100-процентном темпе". ("Газета выборча", 23 мая)
- Российские контрабандисты, у которых польские пограничники отобрали въездные визы, устроили пикеты (...) "Начиная с января границу пересекло свыше 300 тыс. человек, а визы мы отобрали только у 314 россиян, которые проносили товар по зеленому коридору, предназначенному для лиц, свободных от досмотра. Те, кого уличили в контрабанде в других коридорах, были отправлены обратно в Россию. Российские власти давно знают наши процедуры", - говорит пресс-секретарь варминско-мазурской погранохраны майор Роман Кшемминский. ("Газета выборча", 28-29 мая)
- Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: "Наша политическая стратегия отношений с Россией опирается на позитивную программу. Если есть проблемы или трудные вопросы, надо их решать. Польское общество доброжелательно относится к русскому народу, к русской культуре. Однако поляки боятся российской империи. Эти вещи нужно четко разделять (...) Надо быть доброжелательными и дружелюбными, когда дело

касается людей и общества, но в то же время суверенными и принципиальными там, где затрагиваются государственные интересы (...) Для нормального разговора необходимо время и соответствующая атмосфера". ("Газета выборча", 11-12 июня)

- Адам Д. Ротфельд: "Я говорю то, что думаю. Таков мой принцип. Тот, кто считает, что дипломат может и даже должен лгать, глубоко ошибается. Многие дипломаты полагают также, что, занимаясь политикой, можно говорить только то, что в данный момент политкорректно. Я считаю, что это ошибочный подход, ибо политика имеет смысл только тогда, когда партнер знает, что думает другая сторона. Надо выражать это ясно, не обижаться, но и не избегать трудных споров. Надо говорить правду". ("Жечпосполита", 24 мая)
- Виктор Ерофеев: "Польша производит впечатление кошки, которая схватила кусок мяса, утащила его из-под носа российской кошки и убежала. Прошло несколько месяцев, и вот Путин произносит речь по случаю годовщины окончания войны. Он знает слова Бжезинского о том, что без Украины Россия не будет сверхдержавой. То, что украинцы считают своим великим достижением, успешным бунтом против коррумпированного, частично криминального режима, с перспективы Москвы воспринимается как потеря. А кто это сделал? Поляки. Поэтому не удивляйтесь, что Путин ни единым словом не обмолвился о Польше. Для него она как раз такая кошка, которая только что украла у него кусок мяса. Вместо того чтобы обижаться, вы должны радоваться своей победе - не той, которая была несколько десятилетий назад, а той, благодаря которой Украина встала на путь демократии, и дай ей Бог удачи..." ("Жечпосполита", 21-22 мая)
- "В пятницу в Луцке на Западной Украине было принято решение о создании украинско-польско-литовской Парламентской ассамблеи. Ее главной задачей станет помощь Украине во вступлении в ЕС и НАТО. Заявление о создании ассамблеи подписали председатели польского, литовского и украинского парламентов Влодзимеж Цимошевич, Артурас Паулаускас и Владимир Литвин". ("Жечпосполита", 14-15 мая)
- Премьер-министр Юлия Тимошенко: "Мы всегда были очень благодарны Польше за защиту демократии на Украине и за то, что она прокладывает нам путь в Евросоюз. Мы просим вас и дальше это делать. Это очень важно (...) Я верю, что польский народ и польские лидеры всей душой и всем сердцем с нашим народом. Лучшим доказательством тому стал конкурс Евровидения, когда телезрители из Польши единственные во всей Европе массово голосовали за то, чтобы победила наша, украинская, "оранжевая" песня. Это люди голосовали, народ. А когда в Европе социологи спрашивают, должна ли Украина вступить в ЕС, чаще всего говорят "да" именно поляки. Наши страны, наши народы необыкновенно близки друг другу". ("Газета выборча", 10 июня)
- "Гостем встречи глав правительств Вышеградской группы стала премьер-министр Украины Юлия Тимошенко. Премьер-министры Польши, Чехии, Словакии и Венгрии заверили ее в поддержке "европейских чаяний" Украины, а также высказались за продолжение процесса ратификации европейской конституции". ("Тыгодник повсехний", 19 июня)
- "Праздник Европы. Тысячи варшавян приняли участие в большом празднестве на улицах столицы. На этот раз вместе с поляками шли украинцы, немцы и белорусы (...) Участники шествия несли над головами 300-метровую оранжевую "ленту единства" (...) идею которой выражали надписи на транспарантах: "Украину - в ЕС"". ("Жечпосполита", 16 мая)
- "Сегодня и завтра перед памятником Мицкевичу по соседству с [местом] проведения варшавского саммита Совета Европы [буддийский монах Дзюнсей Терасава] будет молиться о мире и прекращении геноцида в Чечне (...) [Терасава] был первым буддийским монахом, которому разрешили молиться на Красной площади (...) Кроме того, во время первой чеченской войны он организовал и возглавил большой марш солдатских и чеченских матерей из Москвы в Грозный. "На глазах всего мира совершается геноцид чеченского народа, а мир молчит. Все мы несем ответственность за то, что происходит. И за мир", - говорит Дзюнсей Терасава". ("Газета выборча", 16 мая)
- "Президенты, премьер-министры и министры иностранных дел 46 стран принимают участие в начавшемся сегодня в Варшаве саммите Совета Европы. (...) "Великим отсутствующим" оказался российский президент Владимир Путин (...) Кремль решил понизить ранг российской делегации - ее возглавляет министр иностранных дел Сергей Лавров. Это результат критики несоблюдения прав человека в России Советом Европы". ("Жечпосполита", 16 мая)
- "Белоруссия - единственная европейская страна, не вступившая в Совет Европы, и в то же время последняя на нашем континенте диктатура (...) Говоря словами польского министра Адама Даниэля Ротфельда, сегодня Белоруссия - это "заповедник всего, чего Европа не приемлет" (...) Хорошо, что на этот раз, на варшавском

саммите Совета Европы, о Белоруссии не забыли - в частности, благодаря инициативе Польши". (Славомир Поповский, "Жечпосполита", 17 мая)

• На саммите Совета Европы "была принята варшавская декларация, а также план действий и три конвенции: о борьбе с терроризмом, отмыванием грязных денег и торговлей людьми (...) Только в воскресенье российская делегация согласилась включить в варшавскую декларацию ссылку на историю - в т.ч. на "Солидарность" и падение Берлинской стены". ("Жечпосполита", 18 мая)

• 488 голосами "за" при 20 "против" Европейский парламент одобрил ежегодный доклад о положении в России. Евродепутаты призвали к "солидарности между старыми и новыми членами ЕС, если Россия вознамерится дифференцировать свой подход к ним". В докладе говорится также о "жертвах, которые понесли некоторые страны и народы в результате оккупации и дальнейшей аннексии Советским Союзом". Европарламент выразил надежду на то, что "Россия полностью признает эти факты". Кроме того, депутаты призвали Москву рассекретить архивные документы периода II Мировой войны, в число которых входят и документы, касающиеся катынского преступления. В отчете подробно говорится также о необходимости обеспечить свободное судоходство в Пилавском проливе - единственном выходе из эльблонгского порта в Балтийское море. ("Жечпосполита" и "Газета wyborcza", 27 мая)

• "Польские журналисты задержаны в Ингушетии. Съёмочную группу Польского телевидения допрашивали 14 часов. Российские спецслужбы конфисковали у телевизионщиков кассеты с видеозаписями и посоветовали им убраться домой. Репортеры государственного телевидения на протяжении двух месяцев собирали материалы для фильма, завершающего цикл о Чечне". ("Жечпосполита", 2 июня)

• "Власти Кубы не пустили на остров польских евродепутатов Богуслава Соника и Яцека Протасевича, а группу журналистов после кратковременного пребывания арестовали и выслали из страны. Политики и представители СМИ собирались принять участие в съезде кубинской оппозиции". ("Тыгодник повсехный", 29 мая)

• "Власти Белоруссии выслали из страны первого секретаря посольства Польши Марека Буцько, отвечавшего за польско-белорусское сотрудничество и контакты с белорусской оппозицией. В ответ на это Варшава объявила персоной нон грата первого секретаря посольства Белоруссии и составила список белорусов, которым запрещен въезд в Польшу. В этом списке есть, в частности, несколько членов правительства". ("Тыгодник повсехный", 29 мая)

• "Белорусское министерство юстиции признало недействительным мартовский съезд Союза поляков Белоруссии, на котором было избрано новое правление". ("Жечпосполита", 17 мая)

• "Белорусские КГБ и милиция угрозами и шантажом пытаются склонить к сотрудничеству активистов Союза поляков Белоруссии". ("Газета wyborcza", 31 мая)

• "Гроза в Белоруссии грянет, но еще нескоро. К такому выводу пришли участники организованной Центром международных отношений варшавской конференции "Перед грозой. Политические перспективы Белоруссии в 2005-2006 гг.". ("Жечпосполита", 31 мая)

• Евродепутаты из Польши и Литвы, парламентарии из Латвии и с Украины, а также представители белорусской оппозиции встретились в Беловеже и подписали совместное заявление, в котором они обещают белорусскому обществу помощь: стипендии, поддержку неправительственных организаций и создание радиостанций в пограничных с Белоруссией районах Польши, Литвы и Украины. Кроме того депутаты, подписавшие беловежскую декларацию, требуют международной изоляции лиц, преследующих белорусскую демократию. ("Жечпосполита", 30 мая)

• Спустя 60 лет после окончания войны ветераны польской Армии Крайовой и литовской "Местной сборной" генерала Плехавичюса, сражавшейся на стороне немцев, впервые вместе почтили память убитых обеими сторонами гражданских лиц. 20 июня 1944 г. литовцы убили 39 жителей польской деревни Глинцишки, а 23 июня поляки в акте возмездия убили 27 жителей литовского городка Дубинки. Среди жертв обоих преступлений были женщины и дети. Бывшие бойцы двух враждующих армий подписали декларацию примирения в сентябре 2004 года. ("Газета wyborcza" и "Жечпосполита", 13 июня)

• Общество ветеранов и семей с "кресов" организовало конференцию "Геноцид и депортация польского населения на восточных окраинах Польской Республики в 1939-1947 годах". На конференцию, прошедшую в Католическом доме Перемышля, прибыли несколько десятков человек. Ранее ей отказали в предоставлении помещения гарнизонный клуб и Национальный музей. С резкими протестами против конференции выступили

украинское посольство, Польский союз украинцев и глава польской греко-католической Церкви архиепископ Ян Мартыняк, которые сочли ее попыткой разжечь антиукраинские настроения. ("Жечпосполита", 6 июня)

- После долгих лет споров и нелегких переговоров с украинцами состоялось торжественное открытие кладбища Львовских Орлят. 66 лет назад, в последний мирный день перед II Мировой войной, на кладбище покоились останки 2859 человек, погибших в боях с украинцами в 1918-1919 гг. и во время польско-большевистской войны 1920 года. Многим из них было меньше 18 лет. Это их называли Орлятами. На кладбище похоронены также трое американских военных летчиков и один из шестнадцати погибших за Польшу французских пехотинцев. В конце 60-х гг. советское начальство устроило на кладбище Орлят свалку. 34 года назад туда въехали танки и бульдозеры, которые сравнивали могилы с землей и присыпали обломками. (См. отрывки из речей, произнесенных во время торжественного открытия восстановленного кладбища президентами Александром Квасневским и Виктором Ющенко, на стр.52-53). ("Газета wyborcza" и "Жечпосполита", 24 и 25-26 июня)
- В Варшаве открыт памятник генералу де Голлю - авторская копия монумента, воздвигнутого в 2000 г. на Елисейских полях в Париже. В церемонии открытия участвовали министры иностранных дел Франции и Польши Мишель Барнье и Адам Ротфельд, а также президент (мэр) Варшавы Лех Качинский. ("Газета wyborcza", 16 мая)
- Александр Халль: "Еще полтора десятка лет тому назад поляки хранили память о визите генерала в 1967 году. В мрачную коммунистическую эпоху этот визит стал великим событием. Де Голль даже призывал Владислава Гомулку к большей независимости от СССР. Поляки ценят и тот факт, что французский генерал с оружием в руках сражался за Польшу. В 1920 г. де Голль занимался обучением польских офицеров в Рембертуве, а когда началась польско-большевистская война, отправился вместе с ними на фронт (...) За участие в боях он был награжден орденом "Virtuti militari". ("Политика", 21 мая)
- "По просьбе Польши вопросом майской годовщины 1945 года занялась Генеральная Ассамблея ООН, на которой выступил польский министр иностранных дел. Адам Д. Ротфельд напомнил, что II Мировая война началась со сговора Гитлера со Сталиным, и призвал Россию признать пакт Риббентропа-Молотова противоречащим [международному] праву. В свою очередь Европейский парламент принял резолюцию в ознаменование окончания войны, в которой говорится о "новой тирании, навязанной сталинским Советским Союзом". ("Тыгодник повсехный", 21 мая)
- Проф. Войцех Рошковский из Польской Академии наук: "17 сентября 1939 года на рассвете советская армия без объявления войны перешла границу Второй Речи Посполитой (...) Агрессия была напрямую связана с подписанным 23 августа 1939 г. дополнительным секретным протоколом к пакту Риббентропа-Молотова (...) Однако правительство Российской Федерации отказалось признать это агрессией (...) Поэтому следовало бы выяснить, что собственно произошло 17 сентября 1939 года". ("Жечпосполита", 17 мая)
- По словам прокурора Люциана Новаковского из Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, Институт национальной памяти (ИНП) будет устанавливать т.н. юридический факт советского нападения на Польшу 17 сентября 1939 г., а также его последствия. "Немцы за нападение на Польшу 1 сентября 1939 года были осуждены в Нюрнберге, а русские - никогда", - говорит прокурор Гжегож Малисевич из жешувского отдела ИНП. ("Жечпосполита", 17 мая)
- Адам Михник о польском издании книги Гавриила Попова "Война и правда. Цена победы": "Сегодня на фоне поразительных проявлений великорусского или скорее великосоветского шовинизма голос Гавриила Попова звучит как свидетельство честности и отваги "другой России" - России, уважающей свободу, достоинство и правду. Полякам этот голос особенно важен. Это доказательство того, что у польской демократии в России есть друзья". ("Газета wyborcza", 17 мая)
- "Бойцам Армии Крайовой невозможно внушить, что их освободили. Если им временно улыбнулось счастье и они избежали тюрьмы, лагеря или расстрела войсками НКВД, то у них не могло быть никакой уверенности в том, что ждет их в будущем (...) Какой поляк сыграл самую значительную роль во II Мировой войне? Подскажу: он был советским, а не польским маршалом (...) Константин Рокоссовский был потомком старой великопольской шляхты. В XVII веке представители этого рода занимали в Речи Посполитой высокие должности. Обеднев, они по примеру других отправились пытаться счастья на восточные окраины [Польши]". (Бронислав Лаговский, "Пшеглэнд", 15 мая)
- Адам Михник во время дискуссии "Россия и ее западные соседи" в 16-ю годовщину со дня основания "Газеты wyborczej": "В 1976 г. мне довелось беседовать в Париже с русским писателем Виктором Некрасовым (...) который с первых же слов заверил меня: "Адам, я так симпатизирую Польше. В 1944 году я освобождал вас, был

ранен". Это говорил Некрасов, человек необычайного мужества, благородства и честности. Разумеется, я сказал ему: "Я бы попросил тебя, Виктор, чтобы вы уже больше нас не освобождали и не на такое долгое время". Однако я считаю, что нам необходимо понять: так думают самые честные русские. Когда мой покойный друг Булат Окуджава хотел кого-нибудь положительно охарактеризовать, то говорил: "Он был фронтовиком" (...) Поэтому если мы в Польше не захотим понять этих эмоций и будем ставить моральный и исторический знак равенства между теми солдатами Красной Армии, которые гибли на польской земле, и нацистами, то мы сами себе навредим. Не только в польско-российских, но и в польско-польских отношениях, так как мы не будем понимать чего-то важного". ("Газета wyborcza", 12 мая)

- "Пытаясь заново осмыслить свое отношение ко [II Мировой] войне, мы должны помнить - даже если эта память будет сидеть в нас занозой, - что главной силой, которая войну выиграла, был Советский Союз. По сравнению с его вкладом не только наши достижения, но и успехи западных союзников были гораздо менее существенны. В одиночку мы не освободили бы даже Польшу - число красноармейцев было в несколько раз больше, чем сражавшихся бок о бок с ними солдат с орлами на фуражках". ("Газета wyborcza", 13 мая)

- "22 мая с.г. в Рембертуве прошел день памяти в 60-летие создания лагеря НКВД №10. После Божественной литургии (...) участники мемориальной церемонии прошли к памятнику Жертвам лагеря НКВД на ул. Марса, где состоялась "перекличка погибших", а также возложение цветов и венков". ("Мешканец", 2 июня)

- Профессор Люблинского католического университета Стефан Свежавский: "Роль ангела, т.е. того, кто послан Богом, может исполнять любое творение Божие. Для нас такими "ангелами", ниспосланными Богом, оказались... пьяные советские солдаты, которых мы взяли к себе в телегу, убегая с маленькими детьми из Львова, где нам грозила высылка далеко на восток. Благодаря тому, что они уселись возле нас, мы спокойно миновали два военных патруля, бдительно охранявших дорогу. Исчезли они так же внезапно, как появились, а мы перешли "зеленую границу"". ("Газета wyborcza", 21-22 мая)

- "На протяжении 13 лет - до 1988 года - [доминиканец] Конрад Хеймо, римский опекун польских паломников, встречался с сотрудниками и агентами секретных спецслужб ПНР. В награду он получил различные подарки, паспорт и 20 тыс. немецких марок. Однако, как утверждает Институт национальной памяти, он не доносил на Иоанна Павла II. ИНП опубликовал изложение 700 страниц документов госбезопасности на тему о. Хеймо, где историки пишут, что доминиканец был для МВД одним из самых ценных источников информации о ситуации в Ватикане и в польской Церкви". ("Газета wyborcza", 2 июня)

- "Центр им. Шимона Визенталя, бесплатный телефон которого действует в Варшаве уже почти два года, изучает заявления граждан Польши, касающиеся 20 человек, подозреваемых в участии в погромах или в выдаче евреев во время II Мировой войны (...) За сведения, благодаря которым подозреваемым удастся вынести приговор, Центр намерен платить 10 тыс. евро". ("Политика", 21 мая)

- "На лотках перед варшавской церковью св. ап. Иакова рядом лежат книги Иоанна Павла II и многочисленные публикации о "жидомасонском" заговоре в Польше. "Это хула на Бога", - считает профессор-библеист о. Михал Чайковский (...) Настоятель прихода св. ап. Иакова не имеет ничего против торговли перед церковью. Его не возмущает сочетание милосердия Иоанна Павла II с антисемитскими лозунгами (...) Антисемитскими книгами торгуют не только на площади Нарutowича. Их можно купить (...) перед Варшавским университетом, перед церковью св. Станислава Костки в Жолибоже, в книжном магазине "Антик" при церкви на Гжибовской площади. Яцек Пурский из антирасистского общества "Никогда больше" утверждает, что это нарушение статей 256 и 257 польского УК(...) Однако, по словам Халины Бортновской из Хельсинского фонда и общества "Открытая Речь Посполитая", суды прекращают подобные дела, объясняя это ничтожным вредом, наносимым обществу". ("Газета wyborcza", 2 июня)

- Согласно последнему докладу Совета Европы, в Польше евреи и их достояние часто становятся жертвами актов физической агрессии и вандализма. Печатается множество книг и периодических изданий антисемитского толка. Кроме того, существуют СМИ, распространяющие антисемитские взгляды, например радио "Мария". Антисемитские утверждения появляются даже в проповедях некоторых священников. Беспокорство вызывают также выступления политиков, особенно из "Лиги польских семей" и "Национального возрождения Польши". Дискриминация цыган названа в докладе одной из причин их трудного положения. Доклад подготовила Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ECRI). ("Жечпосполита", 15 июня)

- "После серии скандалов и попыток втянуть [артистов московского] Большого театра в политическую авантюру труппа покинула Польшу. Россияне должны были дать почти 20 представлений. Из них состоялись только пять. Артистам не заплатили за выступления. В прокуратуре лежит иск против организатора гастролей, Подляского концертного агентства". ("Жечпосполита", 20 мая)

- "Журналу "Пшеглэнд православный" исполнилось 20 лет. Первый номер журнала вышел в свет 21 апреля 1985 года". ("Пшеглэнд православный", июнь)
- "Министерство финансов сообщило, что в этом году польские налогоплательщики передали в пользу общественно-полезных организаций свыше 100 млн. злотых. Это в 10 раз больше, чем год назад". ("Тыгодник повсехный", 21 мая)
- "Кристина Щепаняк с [варшавского] Центрального вокзала, которой неизвестный благотворитель подбросил 41 тыс. злотых, не хочет брать эти деньги (...) Она отнесла их в полицейский участок. Экспертиза показала, что деньги настоящие (...) Бездомная женщина отвергла все предложения постоянного места жительства. Уже 16 лет она ночует на вокзале". ("Жечпосполита", 28-29 мая)
- "На скамье подсудимых - генерал Антоний Ковальчик, бывший главный комиссар полиции, обвиняемый в даче ложных показаний. Теперь в следственном изоляторе оказался еще один генерал полиции (...) несколько лет назад претендовавший на должность главного комиссара. Прокуратура обвиняет Мечислава Клюка в коррупции: генерал взял несколько сот тысяч злотых за предоставление [секретных] сведений топливной мафии, обворовывающей бюджет (т.е. нас) на сотни миллионов злотых. Кроме того он продал информацию о своих товарищах-полицейских, отобранных для борьбы с топливной мафией". ("Жечпосполита", 16 мая)
- "В Лодзи и Познани распущены управления Центрального следственного бюро (ЦСБ). Проверка кадров ЦСБ охватит всю страну (...) Полицейские из лодзинского ЦСБ, возможно, продали на черном рынке 120 кг. героина и кокаина, ранее конфискованного у бандитов". ("Газета wyborча", 21-22 мая)
- Тадеуш Мазовецкий о местном самоуправлении в Польше: "Без местной демократии нет вообще никакой демократии (...) Мы быстро провели реформу органов местного самоуправления (...) хотя впоследствии, при правительствах Ханны Сухоцкой и Ежи Бузека, она была дополнена новыми законами. Однако эти изменения не нарушили основного принципа: вводя местное самоуправление на уровне повата и воеводства, никто не отбирал полномочий у гмины (...) Достижения органов местного самоуправления в повышении уровня цивилизации в деревнях и маленьких городках несомненны, особенно если речь идет о дорогах, водопроводе и канализации. Люди научились быть хозяевами на своей земле. Во многих местах (...) возникли группы людей, заинтересованных деятельностью на благо своих "малых родин". Однако в других местах местные власти бюрократизировались, стали слишком зависеть от политических партий или проявили склонность к другим извращениям. Они бывают подвержены и коррупции (...) Я выступал за реформу органов местного самоуправления, ибо считал, что она станет важным элементом восстановления демократического общества". ("Жечпосполита", 27 мая)
- "Узнав, как Польша тратит деньги, выделенные Европейским инвестиционным банком, экологи подняли тревогу: вместо того чтобы предназначить 250 млн. евро на восстановление разрушений, вызванных наводнениями, и создать систему раннего предупреждения, мы, вопреки экологии и европейским стандартам, бетонировали русла рек (...) Результат контроля шокирует. Регуляция осуществлялась незаконно (...) Загублена природа (...) Работы велись в полном несоответствии духу Рамочной водной директивы ЕС, согласно которой первоочередной целью должно быть поддержание в хорошем состоянии экосистемы". (Адам Вайрак, "Газета wyborча", 24 мая)
- "Мертвые птенцы, отрезанные головки, оторванные лапки. Кто-то разорил гнезда в период гнездования. Так выглядит птичий заповедник в окрестностях водохранилища Езёрско. "Это была бойня. Убито по меньшей мере 600 птенцов большого баклана. Им было около трех недель", - говорит ветеринар Кшиштоф Качмарек из Общества натуралистов Лодзинской земли". ("Жечпосполита", 6 июня)
- "Люди, едущие через Мазуры, становятся невольными свидетелями трагедии: вдоль шоссе лежат сотни стволов прекрасных деревьев (...) Толстые стволы, как правило здоровые и массивные, вывозятся на удивление быстро (...) Аллеи, этот символ и восхитительное украшение мазурского пейзажа, вырубаются во все нарастающем темпе". (Рената Марш-Потоцкая, "Политика", 7 мая)
- Из письма в редакцию Ярослава Гамдзыка: "Глубоко потрясает вид пустых, лишенных деревьев мазурских дорог (...) Почему (...) управления гмин, поватов или воеводских дорог начали вырубать придорожные деревья? (...) В настоящее время рыночная стоимость одного столетнего лиственного дерева - по меньшей мере несколько сот злотых (...) Эти деревья пережили одну или даже две мировые войны и все годы ПНР". ("Политика", 4 июня)
- Из некролога: "Умер Юрек Шиповский, порядочный, чуткий человек. Он любил деревья..." ("Газета wyborча", 17 мая)

- Станислав Тым: "Я согласен с Марекком Эдельманом, что человек - особенно неудачная комбинация генов. В этой комбинации преобладают агрессия и злоба (...) Величайший позор вида под названием "человек" - это бескорыстная жестокость. Иногда трудно избавиться от впечатления, что человек находит свое призвание, причиняя страдания другим. Поэтому для меня важно сочувствие другим. Я стараюсь, насколько это возможно, с уважением относиться к судьбе каждого создания, независимо от того, кто оно - дерево в сувальском лесу или президент Боливии". ("Жечпосполита", 30 мая)